

ЧЕТЫРЕ Малика Ферджиух СЕСТРЫ

КомпасГид
Издательский дом

Малика Ферджух

Четыре сестры

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69485290

Четыре сестры: Тинбук; Москва; 2023

ISBN 978-5-907514-78-2

Аннотация

В старинном доме Виль-Эрве в двух шагах от Атлантического океана живут сестры Верделен. Они самостоятельно ведут хозяйство, взрослеют, находят друзей и первую любовь. Этим девочкам – от 9 до 23 лет – очень нужна поддержка и любовь родителей. Но мамы и папы рядом нет, они трагически погибли в автокатастрофе.

Каждая из четырех частей книги, названная по имени одной из сестер и одновременно по времени года, показывает точку зрения одной из них на происходящие события и указывает на течение времени. Таким образом, вместе с героинями читатель проживает целый год.

Постепенно девочки справляются с горем и привыкают к новой жизни. Им помогают в этом кузены и кузины, тетушки, друзья, соседи. И, конечно же, собственное позитивное восприятие этого мира, осознание того, что они – Семья и могут справиться с любыми ситуациями. Приключения и пикантные

диалоги, мягкий юмор и мудрость – вместе с сестрами можно смеяться и плакать, радоваться и грустить.

Французская писательница Малика Ферджух (родилась в Алжире в 1957 году) создала удивительно обаятельный и солнечный роман. В нем непростая тема потери родителей показана максимально деликатно и светло. В разных героинях любая юная читательница без труда узнает себя. А более взрослая аудитория непременно оценит динамичность повествования и яркие образы всех действующих лиц романа.

Автор многие годы занималась историей кино и потому мастерски выстраивает диалоги и блестяще жонглирует толпой самых разных персонажей. В «КомпасГиде» уже выходила трилогия писательницы «Мечтатели Бродвея», которая полюбилась многим читателям.

Безупречный перевод Нины Хотинской передает тончайшие оттенки чувств героинь. А портреты сестер, сделанные художницей Дарьей Швейдель, дают читателю возможность почувствовать одновременно их смелость и хрупкость.

Содержание

Энид	7
1	9
2	20
3	31
4	39
5	50
6	63
7	76
8	85
9	99
10	114
11	129
Гортензия	141
1	143
2	157
3	163
4	172
5	182
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Малика Ферджух

Четыре сестры

Наиме, Кассандре, Оране и Мелинде, четверем сестрам

Веронике с ее шестью сестрами и Роксане, у которой только один брат, в память о лукуме и фигурном катании

Пятерым братьям Маркс¹, которые могли бы быть сестрами

И Женеви́еве, конечно же

Malika Ferdjoukh

Quatre sœurs

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Тинбук».

¹ Братья Маркс – пять братьев, популярные комедийные артисты из США, специализировавшиеся на комедии абсурда – с набором драк, пощечин, флирта и метанием тортов.

Original title: *Quatre sœurs – L'intégrale* Written by Malika Ferdjoukh

© 2010, l'école des loisirs, Paris

Translation copyright © 2023 by Teenbook Publishing House

© Перевод, оформление, издание на русском языке ООО

«Издательский дом „Тинбук“», 2023

Энид Осень

ЭНИД

1

Звуки в старой башне, или Как полезно иметь сестер

Иногда Энид предпочла бы иметь поменьше сестер.

– Двух мне хватило бы, – поделилась она с Гулливером Донифоном, сидевшим рядом с ней в школьном автобусе.

Гулливер ущипнул себя за левое веко и с нежностью рассмотрел свой большой палец, к которому пристали три испустившие дух реснички.

– Если бы у тебя было только две сестры, кого бы ты выбрала?

Энид нагнулась, тоже с большим интересом рассматривая покойные реснички Гулливера.

– Не знаю. Я не говорила, что буду выбирать.

– Четыре минус две равняется две. Если двух тебе хватит, остальных придется выбросить на помойку.

Энид уставилась на Гулливера озадаченно. Она была даже слегка шокирована. Небрежным щелчком он стряхнул трупики ресничек в направлении спинки сиденья впереди. У самого Гулливера Донифона было семь братьев и сестер.

– Вот бы ввести ротацию, – заключил он. – День одна, день другая.

Предложение было, пожалуй, невыполнимо, но тут авто-

бус затормозил. Энид попрощалась с Гулливером, помахала всем и подхватила свой рюкзак. Она одна выходила на этой остановке.

Уже на ступеньке ветер взъерошил ее волосы и взметнул полы парки. Когда она спрыгнула на обочину, стало еще хуже – ее чуть не унесло. К счастью, рюкзак был такой тяжелый, как будто она посадила туда трех слонят.

– Чао, Верделька-сарделька! – крикнул голос Лизелотты Поро, и окно автобуса тотчас захлопнулось.

Энид решила, что за это завтра обзовет ее Лизой-в-ботах, и еще Пореем, и...

Нет, не получится. Ни завтра, ни послезавтра. По той простой причине, что это будут суббота и воскресенье.

Она еще успела услышать смех одноклассников. А потом – ничего, автобус уехал, только ветер задувал вокруг и шелестели кусты и вереск в ландах², насколько хватало глаз.

В этом году ей приходилось делать семнадцать шагов от автобусной остановки до дороги, которая вела к дому. Прошлой осенью было восемнадцать. Значит, ее ноги стали длиннее.

Итак, семнадцать шагов, и начинался Атлантический тупик. Тропа называлась так в дорожных картах, потому что

² Ланды – низменная равнина на юго-востоке Франции. Изначально здесь преобладали песчаные почвы. Чтобы остановить продвижение песка и осушить местность, в XVIII веке было решено высадить в ландах сосны. Этот искусственный лесной массив – крупнейший в Западной Европе – получил название Ландский лес (*фр.* forêt des Landes).

упиралась в одноименный океан. Чтобы добраться до самого края утеса – «до конца концов», как говорила Гортензия, – надо было пройти шестьсот метров по диким и неприветливым ландам. Но перед концом, перед самым утесом и морем, стоял Виль-Эрве. Дом.

Энид побежала по горбине в середине дорожки, там, где горделиво разросся, образуя веселую желтую полосу, дрок. С рюкзаком на спине она выглядела черепахой, бегущей наперегонки с невидимым зайцем.

Дорога была занятная. В зарослях что-то шуршало, шелестело, трепыхалось. Сколько всяких созданий скрывалось там! Они были не злые, любопытные как сороки, легкие как эльфы, пугливые и шаловливые. Энид внимательно смотрела, куда ступает.

Она миновала закрытый загородный дом Брогденов (под номером 6). Затем (под номером 4) много лет пустовавший двухэтажный павильон, который был когда-то домиком сторожа Виль-Эрве.

Навстречу ей вдруг выехала машина Базиля. Энид замедлила шаг. Машина сбросила скорость. Когда они поравнялись, опустилось стекло и показалась голова Базиля, которую тотчас взъерошил ветер.

– Из школы? – спросил он улыбаясь.

Она чмокнула его в щеку и ничего не ответила. Откуда же еще в этот час? Из Патагонии?

Энид улыбнулась. Базиль выглядел смущенным. Это с

ним бывало часто. Не только в общении с детьми, со взрослыми тоже.

– Кто-нибудь заболел? – спросила Энид.

Базиль был врачом.

– Нет. Я просто заехал поздороваться.

Базиль был врачом, но еще – и даже в первую очередь – воздыхателем Шарли, старшей из пяти сестер Верделен. Све-сив согнутую руку за дверцу, он рассматривал пуговицу на своей манжете.

– А ты? – продолжал он рассеянно. – Как в школе?

– Угу.

Это был не то чтобы ответ, но Базиль кивнул, как будто Энид дала ему полный отчет о своей школьной жизни. Он ее не слушал, и она отлично это знала.

– Передашь это Шарли?

Он достал из бардачка какой-то сверток. (Вот о чем он на самом деле думал с начала разговора.)

– Что это?

– Одна книжка, я ей обещал. Не забудешь?

Энид удивилась:

– Шарли нет дома?

– Я никого не видел.

Они смотрели друг на друга, не зная, что еще сказать.

Так всегда было с Базилем. Но не важно, он ведь старый друг семьи. Можно даже сказать, член семьи. Все знали, что однажды он женится на их старшей сестре Шарли, хотя вот-

это-вот-все (и так далее!) было еще вилами на воде писано.

Базиль скорчил рожицу. Вероятно, он не знал другого способа вызвать улыбку у девочки девяти с половиной лет. Глаза его оставались печальными. Энид вдруг увидела, что волосы Базиля как будто стали светлее. Или, может быть, поредели? И правда, он ведь старый! Они вместе отпраздновали его двадцать девятый день рождения в сентябре.

Машина Базиля покатила в сторону шоссе, быстро, точно унесенный вихрем скарабей, а Энид пошла дальше, боксируя с ветром.

Вот и двойные ворота. Дом действительно казался пустым. Энид припустила бегом, торопясь укрыться от ветра и его жуткого завывания. Виль-Эрве был большой, из бурого и бежевого гранита, со слуховыми окошками на фронтонах, толстенькой башенкой сзади, в которой скрывалась винтовая лестница, и голубиными нишами под крышей. Энид ворвалась в прихожую с криком:

– Аууу! Это яааа...

Никого.

Она воспользовалась случаем, чтобы не вытирать ноги и швырнуть рюкзак среди гостиной. Разулась, изогнулась, выбираясь из парки, и поспешила напрямиком в кухню.

Там она обнаружила кекс с орехами (произведение Женевьевы) и отрезала два куска, каждый толщиной с тетрадь в 254 страницы. Заодно налила себе стаканчик фиалкового сиропа. Ингрид и Роберто тут же явились кланчить крошки.

– Сначала мне! – шикнула на них Энид. – Вы-то не отсидели восемь часов за партой!

«Ну и что?» – возражали их возмущенные глаза. Кошки не отходили от нее ни на шаг, пока не получили законную подзаправку.

Когда она наливала им немного ванильных сливок «Мон-блан» (обычно предназначенных для двуногих), старый дом сотряс глухой стук. Энид подняла глаза к потолку. Значит, Шарли здесь!

– Где ты?

По-прежнему никакого ответа. Но минуту спустя раздалось *тук-тук-тук* молотка. Это доносилось из башенки... Дожевав второй кусок кекса, со свертком Базиля в руке Энид побежала наверх. Как всегда, она вихрем промчалась мимо четвертой двери на втором этаже, быстро-быстро и не глядя. В конце коридора остановилась у следующей лестницы.

– Шарли?

Ступеньки этой винтовой лестницы были очень высокими. Просто каменные глыбы, такие узкие по углам, что даже самая талантливая балерина не смогла бы встать там на пуанты.

– Шарли!

Энид поежилась. Даже не понять, откуда сквозняк. Когда ветер расходился, как сегодня, в старой башне было очень холодно.

– Уже пришла? – отозвался (наконец-то) голос с высоты. –

Который час?

На повороте винтовой лестницы показалась молодая де-вушка в джинсах и рубашке с закатанными рукавами: Шар-ли, двадцати трех лет от роду, с молотком в руке и гвоздями в уголке рта.

– Что ты делаешь?

– Чиню дверь гостевой спальни. В последний раз, когда был ураган, она хлопала всю ночь и мы глаз не сомкнули, помнишь?

Шарлотта, для всех Шарли, старшая из сестер Верделен, потрясла рукой и, приложив запястье к уху, проворчала:

– Чертовы часы.

– Будет ураган?

– Прогноз обещает бурю. Который сейчас час?

– Час полдника? – предположила Энид ангельским голосо-ком.

– Не пытайся убедить меня, что ты не открывала холо-дильник. Энид протянула сестре сверток.

– Это тебе. Базиль очень просил меня не забыть.

Шарли выплюнула гвозди, сунула их в карман, вытерла руки о джинсы и взяла сверток.

– Базиль? Ты его видела? Не в школьном автобусе, полагаю?

– В Тупике.

– Мог бы и сюда доехать.

– Он приезжал. Никого не застал.

В голубых глазах Шарли, устремленных на сестру, мелькнул непонятный огонек. Она пожала плечами.

– Ничего не видел, ничего не слышал. Балда. Знает ведь, что дом большой. Да еще этот ветер. Ладно, идем полдничать. Женестьева утром испекла кекс с орехами.

Подбородком она указала на свитер Энид.

– Что-то мне подсказывает, что ты его уже попробовала.

– Один кусочек! – жалобно протянула Энид, стряхивая предательские крошки.

– Ладно, можно второй. Но не три. Договорились?

– Ты что? Я не хочу, чтобы меня затошнило.

Энид спустилась на одной ножке по винтовой лестнице и, вернувшись в кухню, отрезала себе третий кусок.

– Пожалуйста, не стесняйся, – сказала мама, вдруг появившись у стола, как всегда, неожиданно.

На ней были голубые шорты и короткий топик, который дочери подарили ей в ее последнее лето перед смертью. Одежда явно не по сезону, но ей как будто совсем не было холодно.

Ей и не могло быть холодно.

– Еще осталось, – сказала Энид в свое оправдание.

– Я думала, ты не хочешь, чтобы у тебя заболел живот.

– Не заболит.

Она доела кусок. Мама исчезла (тоже неожиданно). И кекс в желудке Энид вдруг показался ей тяжелее, чем следовало бы.

Беттина вернулась из коллежа³ позже всех, Женестьева и Гортензия приехали предыдущим автобусом. Прежде чем ей задали хоть один вопрос, Беттина поспешила объяснить:

– Я была с подружками. Беотэги ничего не поняла в задачке по матике.

– А вашу задачку, часом, зовут не Хуан? – прошелестела Гортензия.

Хуан был сыном Эртбизов из кондитерской «Ангел Эртбиза». Он приехал неделю назад, чтобы помочь матери, и с тех пор Беттина с подружками просто обожали свежую выпечку.

– Заткнись, – буркнула Беттина, прикрыв глаза и нацелив на младшую сестру свой рюкзак на манер гранатомета.

Энид поморщилась, как будто что-то воняло:

– Он же старый. Ему пятнадцать лет.

– Я сказала: заткнись! – прошипела Беттина, пригрозив и ей рюкзаком.

Шарли дождалась, когда случай свел их всех в кухне, чтобы сообщить:

– Мать Андре-Мари сломала ногу.

Она заполняла бланки социального страхования на угол-

³ Среднее общеобразовательное заведение во Франции и некоторых странах французской культуры (Бельгия, Швейцария, Квебек в Канаде).

ке большого стола из черного дерева. Она всегда копила их целой кипой, штук по десять, в ожидании шанса получить в порядке компенсации кругленькую сумму. Чего, очевидно, никогда не случилось.

– В пешем походе по Боливии, – добавила она. – Или по Монголии. В общем, где-то там.

– Где – там? – хихикнула Гортензия. – Боливия – в Южной Америке, а Монголия...

– Я знаю, где Монголия, – перебила ее Шарли. – Это для краткости.

– Ты возобновила дрейф континентов, тоже заслуга.

– Мать Андре-Мари увезли домой.

Они все знали в лицо Андре-Мари, которая работала в «Лабораториях Убук», в том же исследовательском отделе, что и Шарли. Вдобавок Шарли часто рассказывала о ней в том, что Беттина называла «маленький социо-энтомологический сериал про Убук-лаб».

– Мы ей очень сочувствуем, – сказала Гортензия вежливо и так серьезно, что никто не понял, издевается она или нет.

– Но каким боком это касается нас? – добавила Беттина.

Шарли не сводила глаз с бланка, который заполняла: *Если больной не застрахован...*

– Андре-Мари уезжает ухаживать за матерью. Поль на юге...

– Кто такой Поль?

– Ее муж. Он объезжает больницы.

– Он тоже болен?

– Он представляет «Лаборатории Убук».

– Все равно не понимаю, как это нас каса...

– Мы в зоне В. Интернат Коломбы – в зоне С.

– Коломба? Голубка?⁴ Они еще и птиц разводят?

– Коломба. Их дочь.

– Какое странное имя, – удивилась Энид. – Для девочки.

– Но это же женское имя!

– Я хочу сказать, для человека, – уточнила Энид.

– Насчет имени кое-кому лучше бы...

Шарли оборвала фразу на полуслове.

– Ты же хотела рассказать вкратце, – подбодрила ее Беттина. Шарли подписала последний бланк и вложила его в конверт, где он встретился со своими собратьями. Она вздохнула:

– Хорошо, вкратце. Мы приютим Коломбу в Виль-Эрве на несколько дней. Пока в зоне С каникулы.

Она быстро обвела сестер взглядом.

– И чтобы ни одна из вас, – повысила она голос, – не вздумала обзывать ее птичьими кличками!

Завывший в каминной трубе ветер подчеркнул ее строгий вид снопом лиловых искр.

⁴ Colombe (фр.) – голубка.

Зануда, или Перины летают!

– А, черт! – воскликнула Беттина за компьютером. – Гадская Лижя!

Сестер это ничуть не смутило. Беттина обращалась к Безголовой Леди Лиже и ее тринадцати Темным Пампкинсам. Было девять часов вечера.

Лежа прямо на плиточном полу, перед тучным и кривоватым кухонным камином, Энид блаженствовала: Роберто от души топтал ей печень.

Гортензия с увлечением читала (Гортензия всегда читала и всегда с увлечением) «Марджори Морнингстар», опершись локтем на скамью и пристроив левую пятку в резьбу ближайшего буфета.

Где-то на втором этаже Женевьева складывала белье; так она сказала сестрам, и это наверняка была правда, потому что сестры давно усвоили, что Женевьева никогда не лжет.

Стоя у газовой плиты, Шарли ставила кулинарные опыты. В воздухе пахло горячими каштанами.

– А, черт! – повторила Беттина, по-прежнему обращаясь к Леди Лиже.

Это было ее последнее ругательство за вечер, и вновь воцарилось спокойствие. По крайней мере внутри дома. Ибо снаружи бушевала буря. Ветер крепчал с каждым часом,

пригибал вереск в ландах, тряс двери и рамы старого дома, завывая с утеса, точно свора голодных собак.

Шарли у плиты повернулась, направив прямым на линию горизонта деревянную ложку, которую держала в руке.

– Ты уверена в рецепте? – спросила она Гортензию. – У меня не получается добиться консистенции джема.

– Вдохновись мозгами Беттины.

– Дура, – буркнула Беттина.

– Попробуй-ка, – скомандовала Шарли.

Продолжая читать, Гортензия наклонила голову и открыла рот. Шарли влила в него немного варева.

– Получается или твердый, как карамель, – вздохнула она. – Или мягкий, как... э-э...

– ...мягкая карамель?

Гортензия проглотила и поцокала языком. Не отрывая глаз от судьбы Марджори Морнингстар, она перечислила:

– Перебор сахара. Слишком твердо. Недоварено. Едали мы и лучше. Шарли крутанулась на каблуках. Потом еще раз (вернувшись к исходной точке) и проворчала:

– Все из-за Беттины. Она должна была следить за пропорциями, когда я сыпала сахар.

– Все на свете знают, что следить надо за Беттиной.

– Дура, – снова буркнула Беттина.

– Перины! – воскликнула Энид, прижимаясь носом к запотевшему окну.

– Что она такое несет?

Энид залезла на встроенный столик под окном. Роберто сидел у нее на плече, Ингрид – на руке, а она всматривалась в темноту, где клубились вихри.

– Похожи на летающие перины, – повторила Энид. – Тучи.

Но вопрос уже был забыт. Шарли поправила большие подставки для дров с медвежьими головами – они открыли пасти, то ли смеялись, то ли хотели укусить. Она поворошила кочергой дрова в камине, подбросила полено, огонь ярко вспыхнул.

– Я больше люблю каштановый крем в банках, особенно из «Гиперпромо», – вставила Энид. – И Роберто тоже.

Она подумала немного и добавила:

– Как Ингрид, не знаю.

Беттина взвизгнула «Телефон!» и, бросив Безголовую Леди Лижу на экране, побежала на звонок.

– Где этот телефон? – рявкнула она. – Энид! Если ты опять забыла его в туалете...

Она отыскала трубку на дне кастрюли и вспомнила, что сама положила ее туда, поговорив со своей подругой Денизой.

– Алло?

На том конце провода зазвучали скрипки. Потом голос:

– Гортензия?

– Нет. Это... Женевьева, – соврала Беттина, узнав собеседницу.

Скорчив гримасу, она прижала трубку к животу в области

печени, точно стетоскоп.

– Зануда! – беззвучно проговорила она. – Слушает своего шансонье со смертельным именем!

Это была любимая игра Беттины, когда звонила Зануда, – убедить ее, что она разговаривает с кем-то другим.

– Как ты поживаешь, тетя Лукреция? – елейным голосом спросила она.

– Плохо. Ты же знаешь. В ушах все время звенит. И я уже рассказывала тебе, как неудачно съездила на талассотерапию в...

– Про талассотерапию ты рассказывала Беттине, тетя Лукреция, а не мне.

Беттина чуть не добавила: «А чтобы не звенело в ушах, меньше слушай своего дурацкого шансонье».

– Правда? – удивилась тетя Лукреция. – Я думала, ты Бетт... Ох, вечно я путаюсь в вас пятерых! Надо же было додуматься...

– Гортензия хочет с тобой поговорить, – сказала Беттина. – Передаю ей трубку.

Она и не подумала передать трубку Гортензии. Сосчитала до восьми, скорчив несколько гримас, и продолжала, даже не потрудившись изменить голос:

– Тетя Лукреция? Это я, Гортензия. Как ты поживаешь?

– Ну, как я говорила твоей сестре... э-э, которая это была?..

– Женевьева, тетя Лукреция, – бесстыдно заверила Бет-

тина.

– Женестьева? А?.. Не важно. Я говорила, что моя талас-сотерапия...

Тут в кухню вошла Женестьева с тазом чистого белья у бедра.

– Кто это?

Беттина соорудила физиономию ламы. Потом – морду рыбы-пилы. Доисторической свиньи. Недовольного верблюда. Женестьева взяла трубку.

– Тетя Лукреция, это ты? Женестьева говорит. Можешь повторить, пожалуйста?

Беттина вернулась на свое место, прыская вместе с Энид. Никто особо не любил тетю Лукрецию, но Женестьева одна чувствовала себя виноватой.

Голос тети гулко звучал в трубке, слышный за десять метров. Как всегда, со звуковым фоном из скрипок и голоса... как бишь его звали, этого конфетно-розового певца, от которого она была без ума?

– ...Я послала вам чек, – продолжала тетя Лукреция. – Заметь, пришлось идти на почту и обратно по холоду, а ведь доктор категорически велел мне не высовывать носа...

– Чек, – повторила Беттина. – Она его послала!

Женестьева жестом призвала ее понизить голос. Тетя Лукреция была их законной соопекуншей. Такое решение принял после смерти их родителей судья, сочтя груз ответственности слишком тяжким для одной старшей сестры. На прак-

тике это сводилось к чеку от тети Лукреции второго числа каждого месяца и ее редким визитам. Такое положение вещей всех устраивало.

Когда Женевьева, рассыпавшись в благодарностях, повесила трубку, они повалились друг на друга и засмеялись, нет, заржали, как табун лошадей.

Но этот смех был слишком громким. Слишком залихватистым, чтобы быть веселым, слишком отчаянным, чтобы скрыть еще более отчаянную боль.

– Она слушает что-нибудь кроме этого певца с именем хоть-стой-хоть-падай?

– Если это так поднимает ей настроение, что она выписывает чеки...

– Во всяком случае, этот придет вовремя. И еще...

– Хампердинк.

– А?

– Так зовут ее певца. Энгельберт Хампердинк.

– Такое имечко можно использовать как бигуди.

– Или веревку с узелками.

Они завизжали от смеха.

– Можешь повторить? Что это за имя хоть-стой-хоть-пой?

– Энгельберт Хампердинк.

– Будь здорова.

Они успокоились; буря все равно бушевала громче. Облако грусти накрыло просторную кухню и даже очаг, одни только медвежьи головы смеялись у старого кособокого ка-

мина. Казалось, все окутал туман или серая пыль – или свет вдруг померк.

Шарли, Энид, Женевьеве, Беттине и Гортензии Верделен каждый звонок тети Лукреции вновь напоминал о том, что родителей больше нет.

Резкий хлопок заставил их вздрогнуть. Все пятеро повернули головы. Одно из высоких окон распахнулось. Створки с размаху ударились о стену, отскочили и снова хлопнули от ветра. Новый порыв швырнул в кухню охапку листьев и надул занавеску до потолка, как юбку.

Пришлось навалиться втроем, чтобы закрыть окно. Занавеска мягко опала. Беттина метнула обвиняющий взгляд на Энид.

– Кто крутил шпингалет?

– Не я! – возмутилась та.

У нее дрожал голос. Ураган ее напугал.

– Надеюсь, никого сейчас нет в море, – пробормотала Гортензия, и от ее голоса все вздрогнули.

Сжимая в руке кухонное полотенце, Шарли задумчиво посасывала деревянную ложку. Приподняв край занавески, она всмотрелась в разбушевавшуюся стихию.

– Как будто взрывы.

– Это волны бьются об утес.

– Надо бы, – озабоченно сказала Шарли, – срубить старый клен. Боюсь, он не выдержит следующей бури. Давно пора этим заняться.

– Клен? А как же Свифт? А Блиц?

Блицем звали белку, а Свифтом – нетопыря, поселившихся в полом стволе старого дерева.

– Найдут себе другую гостиницу. Мы дадим им путеводитель по парку.

Энид бросилась к Женевьеве, крепко зажмурившись.

– Мне страшно, – пропищала она тоненьким голоском.

И прижалась к сестре, обхватив ее за талию.

* * *

Шарли обычно ложилась последней. Перед сном она делала обход с поцелуями. Она приходила поцеловать всех сестер, даже Беттину, которой было тринадцать с половиной лет, даже Женевьеву, которой уже исполнилось пятнадцать. Их мать делала это каждый вечер, и старшая дочь приняла эстафету.

Сначала слышался «щелк» выключателя – она зажигала свет на первом этаже, – потом ее шаги, четкие, энергичные, на ступеньках Макарони, большой лестницы, на которую выходили все комнаты Виль-Эрве. Наконец надвигалась ее тень, потом слышался голос в дверных проемах.

Когда Шарли вошла в этот вечер в комнату Энид, она застала там Женевьеву за гладкой. Если точнее, Женевьева гладила постель Энид изнутри. Одеяло было откинута, уют скользил по простыне. Из него с шипением вырывался пар.

– Это что за дела?

– Я замерзла! – проныла Энид.

– Простыни сырые, – объяснила Женевьева. – Скрипят, когда на них ложишься.

– Зрииикссзеее! – зашипела Энид, довольно точно имитируя скрип голой пятки по непросушенному полотну.

– Этого бы не было, если бы ты проветривала постель, – заметила Шарли. – Каждое утро я тебе это повторяю.

– Зрииикссзеее... Зрииикссзеее...

– Алле-оп, довольно. Баиньки! – скомандовала Женевьева.

Она выключила утюг и поставила его на подоконник, терпеливо намотав шнур на подставку. Женевьева все делала только так: тщательно и аккуратно, потому что ей хотелось, чтобы Виль-Эрве хорошо выглядел.

– Мои окна крепко закрыты? – спросила Энид, забираясь в нагретую постель.

Шарли проверила шпингалеты, ставни, батарею. И сказала высунувшемуся из-под одеяла носику, что все в порядке, ну-ка спать! – и поцеловала этот носик, Женевьева тоже, и две старших покинули комнату младшей.

Энид окончательно спрятала краешек ноздри, который еще высовывался. Остались только глаза, черные-пречерные, оглядывавшие комнату слева направо и обратно. То есть от комода к панелям, от панелей к комоду, где глазок на деревянной дверце был так похож на лягушку, ныряющую в

третий ящик.

Энид осторожно выпростала плечо, потом руку и издала что-то вроде «шк-шк-шк» уголками губ. Из темноты тотчас вынырнули две серые тени. Эти две тени знали, что надо сидеть тихонько, ни звука, пока не услышат это «шк-шк-шк». Сигнал, что враг (Шарли, на минуточку) уже далеко. Роберто и Ингрид свернулись в складках одеяла и тут же уснули. Иногда, правда, они поводили ушами – это означало, что, хоть буря их не особо впечатляет, все же забывать о ней не стоит.

– Ничего страшного... два, три, четыре... совсем ничего, – вдруг сказал папа. – Вспомни... шесть, семь... тот ураган... нет, правда... девять, десять... ты была слишком мала, ты не можешь... одиннадцать, двенадцать, тринадцать... помнить...

Он отжимался от пола в ритме ветра. Как и мама, он всегда появлялся в самый неожиданный момент. И, по своему обыкновению, был непричесан.

– Ты непричесан, – сказала ему Энид довольно строго. – И носки у тебя разного цвета.

– Семнадцать, восемнадцать... а? – Он проверил. – Точно. К счастью... двадцать один... есть ты, чтобы мне это сказать.

– Ты пришел поцеловать меня?

Он встал и поцеловал ее крепким и звучным поцелуем, от которого стало щекотно и захотелось смеяться. Она засмеялась. Ладно, пусть папа всегда непричесан, зато от него хо-

рошо пахнет и он ее смешит. Девочка всмотрелась в него, вдруг посерьезнев.

– Это долго – вечность? – спросила она.

И он, конечно, тут же исчез. Можно было догадаться. С тех пор как папа умер, он больше не отвечал на вопросы.

Энид полежала немного, слушая, как ставни рвутся с петель, точно собаки с цепи, как трещат деревья и волны бьются об утес, словно хотят сровнять его с землей.

Она вздохнула, долго, громко, не перекрыв, однако, шум ветра, потом заткнула уши, зажмурилась и уснула.

* * *

Ледяной душой вой разбудил ее среди ночи.

3

Лестница как бездонная пропасть, или Что за дела?

Она рывком села. Потом снова зарылась в подушку, дрожа от ужаса. Значит, буря не кончилась? Энид склонила голову и прислушалась не дыша.

Снаружи что-то хрустело и скрипело одновременно! И у девочки шевельнулось нехорошее предчувствие, что грядет большая беда.

Она зажгла ночник. Ингрид и Роберто тоже проснулись и были настороже, их носы трепетали, усы топорщились. Энид спрыгнула с кровати, быстро сунула ноги в тапочки, подхватила кошек под мышку и побежала к двери.

Стена тьмы выросла перед ней. Выйти невозможно. Невозможно разглядеть ничего в коридоре, ничего из того, что она видела по миллиону раз в день! Где паркет? Где стены, обитые красивой тканью в полоску? А красный сундук? Ничего не видно.

У носков ее тапочек разверзлась черная бездна. Она застыла на пороге, как на краю высокого обрыва. Если она выдвинет хоть пальчик, ее немедленно засосет бездонная пропасть.

Ее бросило в дрожь. Кошки, почувствовав ее страх, вце-

пились когтями в рукава пижамы.

– Почему это ты не спишь?

Щелк.

Вспыхнул свет. Все оказалось на своих местах. Паркет. Красный сундук. Стены. Обои в полоску. Это был тот самый коридор, который она знала, видела каждый день, по которому скользила в носках, когда натирали пол, старый добрый коридор Виль-Эрве. А посреди коридора стояла Женевьева в ночной рубашке и смотрела на нее довольно строго.

– Что ты тут делаешь в темноте? А кошки? Что они делают с тобой? Энид отпустила двух пушистиков, и они побежали вниз по Макарони с самым невинным видом.

– Я не могла найти выключатель!

– Это не объясняет, почему кошки не в своей корзинке, а ты не в своей кровати.

– Я услышала крик, как будто кому-то очень больно, он меня разбудил, и я испугалась и...

– Это клен. Весь трещит от ветра, но пока держится. А ну-ка живо! В кровать!

Энид вздохнула с облегчением, крик все-таки не был настоящим криком, но ей все равно было тревожно. Ведь в большом клене, который трясло и качало во все стороны, белочка Блиц и летучая мышь Свифт, наверно, умирали от страха в своих дуплах.

– Хочешь горячего молока? – предложила Женевьева.

Да, сделав вам выговор, Женевьева всегда потом стара-

лась доставить удовольствие.

– Не-а, – помотала головой Энид.

– Тогда баиньки. Укройся одеялом с головой, и ничего не услышишь. Энид не стала возражать, что так и делала с самого начала, но все равно всё слышала. Хорошо Женевьеве говорить! Она-то спала в кровати прадедушки Эфрема, эта кровать закрывалась, как шкаф. Единственное сейчас место в доме, где буря, должно быть, беспокоила не больше, чем шорох бумаги. Честно говоря, Женевьева заняла эту кровать, потому что остальные сестры ни за что не хотели «спать в ящике». Теперь она ее обожала и ни за что никому не уступила бы.

Энид потребовала еще один поцелуй и вернулась в свою комнату, оставив дверь открытой для Ингрид и Роберто, которые, разумеется, всё понимали. Кошки вернулись через десять минут.

– Тсс! – сказала им Энид, прижав палец к губам, как будто они собирались читать лекцию. – Ни слова, мне надо выйти.

Дождавшись негромкого щелчка, говорившего о том, что Женевьева в своей комнате погасила свет, Энид встала, надела брюки, толстый серый свитер с надписью «Colorado Territory» на груди и снова сунула ноги в тапочки.

– Я иду в парк, – объяснила она кошкам, дивившимся этой суете. – Я отдам мой желтый шарф Блицу, а красный Свифту. Им будет не так холодно. И они смогут укрыться с головой.

Она вышла на цыпочках, намотав на шею оба шарфа, красный и желтый. Коридоры Виль-Эрве были пусты. Остальные жильцы попрятались по кроватям, откуда мало что могло их вытащить. Однако выскользнуть наружу оказалось нелегко. Коридоры и лестницы были не только пусты, но и погружены во тьму. Показалась луна, но она лишь на миг мелькнула между мчащихся галопом туч, так что ее можно было принять за молнию. И все снова окутала темнота.

И еще эта окаянная четвертая дверь... Энид быстро-быстро пробежала мимо. Миновала ее зажмурившись.

Вот и Макарони. Все ступеньки скрипели. Энид готова была возблагодарить бурю, чей шум заглушал все.

С дверью в прихожую тоже было непросто. Не дай бог вырвется из рук, надо держать очень крепко, иначе она хлопнет о стену, и тогда...

Энид осторожно подвинула к створке большое кресло с подголовником. Медленно потянула засов, повернула ключ, откинула крючок.

Дверь была толстая, из крепкого дерева, с тяжелыми петлями. Большое кресло не устояло. Едва крючок был откинут, ветер и дверь с яростью опрокинули его, и оно оказалось ножками кверху посреди прихожей. Упала подставка для зонтиков. Энид только и успела вцепиться в дверь и удержаться за нее.

Сколько шума... Кто-нибудь наверняка придет! Опять Женестьева? Шарли? О-ля-ля! Скорее!

Энид глубоко вдохнула и, даже не попытавшись закрыть то, что больше не могло быть закрыто, нырнула в бурю.

* * *

Сотня рук тянула ее в сотню разных сторон. Ее тащили, толкали, пытались то вогнать в землю, то подкинуть к тучам, которые катились по небу, сталкиваясь, как валуны...

Энид упала, и одна тапочка куда-то улетела. Она вспомнила: Блиц, Свифт, клен... Где же шарфы? А, на шее. На всякий случай она завязала второй узел.

Когда она лежала на земле, ветер не казался таким злым. Но как только попыталась встать, он чуть не оторвал ей голову. Энид распласталась по земле и поползла.

Трава мягко скользила под локтями. Не самый быстрый способ передвигаться, но только так можно было обмануть ураган.

У корней клена Энид высвистала две ноты, которые обычно выманивали Блица из домика. Тот не показался. Спит? Или ничего не слышит в этом шуме?

Она поднялась, ухватившись за пучок травы. Полое изнутри дерево было мертво уже несколько лет. Энид долго думала, что назначение этого клена – служить убежищем насекомым, мышам-полевкам и другим крошечным существам.

– Свифт! Блиц!

Ствол был слишком широким, не обхватить, и девочка

вцепилась в кору.

– Блиц! Свифт!

Ветер бушевал, сверху сыпались камешки, пыль, сухая трава. Энид вспомнила легенду о том, как в тайфуне летали коровы. И «Волшебника страны Оз», где торнадо унес в небо целый домик. Неужели она сейчас улетит за утес?

– Ну уж нет! – рявкнула Энид яростно. – Я не улечу, как корова! В тот же миг клен затрясся. Раздался долгий-предолгий треск. Энид испуганно вскинула глаза. Был ли это крик дерева, его кленовый крик? О чем оно кричало?

Она отдернула руки от ствола, словно обжегшись. Порыв ветра, воспользовавшись этим, протащил ее на пузе по газону к цветочным клумбам. Мимо на третьей скорости пронесся бортик колодца.

Энид вытягивала руки, но пальцы скользили. Она визжала, ее мотало из конца в конец газона, точно мячик между гигантскими ракетками. И наконец швырнуло прямо в клумбу цинний.

Энид полежала немного, оглушенная. Открыв глаза, она увидела самое жуткое на свете зрелище: *старый клен рос!*

Он вырастал с каждой секундой! Корни поднимали его от земли, с газона, они извивались, как щупальца спрута, и земля вздымалась и опускалась, словно в ней проснулось зарытое чудовище.

Вопль Энид смешался с треском клена, когда он рухнул на колодец и раскололся.

– Он ожил, – рассказывала она сестрам, – он вылезал из земли, как будто великан его вырвал, и тогда...

– И тогда пора на боковую, – перебила Гортензия, дав ей тычка.

Четверо старших решили, что после такого потрясения малышка не должна спать одна. Малышка же, воспользовавшись случаем, потребовала себе закрытую кровать Женевьевы.

– Никто никогда не хотел эту кровать, – поворчала Женевьева для проформы.

– Но ты же обожаешь строить из себя сестру милосердия! – возразила Беттина, вздохнув с облегчением, что не ей придется делить свою территорию (такую славную комнату!) с этим маленьким чудовищем Энид.

– Во всяком случае, никаких кошек! – предупредила Женевьева.

– Каких кошек? – спросила Шарли.

Энид поспешно сменила тему.

– Ни Блиц, ни Свифт не откликнулись! – всхлипнула она.

– Значит, они умнее тебя!

– И остались в укрытии!

– Ты думаешь, они всё еще в клене?

– Вряд ли. Белка умеет прыгать, а нетопырь – летать!

– ...А младенцам пора спать!

– Я не младенец.

– Ты и не белка.

Женевьева, стоя на верхней из трех ступенек закрытой кровати, укрыла сестру одеялом и подоткнула его, пока остальные расходились, зевая.

– Тебя могло задеть, поранить, – шепнула Женевьева, выключая ночник. – Разве я не велела тебе лежать в кровати?

Энид не ответила. Женевьева перешагнула через бортик закрытой кровати, юркнула под одеяло рядом с сестрой и захлопнула дверцу. Шум бури превратился в далекий гул.

– Что, если бы клен упал на тебя, а не на колодец?

Но Энид уже сморил сон. За окнами, далеко-далеко, приглушенный стенками закрытой кровати, что-то шептал ураган. Женевьева опустила голову на согнутую руку и тоже уснула.

Бойлерша и Бельмонбиш, или На помощь, молоко убежало!

К утру ветер стих и сильно похолодало: мерзли стены, море, небо, ноги.

В еще сонном доме Шарли выбралась из постели, и, брр, сотни мурашек тут же побежали по спине. Осень забыла явиться в сентябре, зато теперь ускорила, наверстывая опоздание, негодяйка! Быстро-быстро Шарли натянула поверх пижамы самый-старый-самый-толстый свитер, сунула ноги в тапочки и спустилась в кухню.

Брр. И еще раз брр. Невзирая на все усилия самого-старого-самого-толстого, у нее зуб на зуб не попадал. Из рта шел пар. Первые холода... Значит, придется разбудить госпожу Бойлершу от летней спячки...

Ужас. Каждый год сия капризная дама, обиженная, что ее бросили на долгих полгода, целую неделю мстила, придумывая всё новые кары.

Уже заходила речь о том, чтобы заменить Бойлершу на более эффективное и современное устройство, но, пять раз прикинув расходы, Шарли выбрала статус-кво: цены были устрашающие.

– Мне очень жаль, прости, – сказал отец, усаживаясь по-

турецки перед каминной нишей. – Я должен был оставить вам побольше денег.

Шарли взглянула на него. Выглядит, будто кур воровал, ясное дело. А ведь мог быть таким элегантным, когда хотел!

– Зачем ты напялил эти брюки для гольфа? – спросила она.

– Взял первое, что под руку попало, в шкафу сегодня утром. У вас холодно?

– Холод собачий, – сказала Шарли. – Здесь осень. А где мама?

– Пошла навестить соседку. А насчет бойлера – ты не можешь взять кредит?

Она вздохнула, шаря в поисках спичек.

– Кредит нужен на макароны, на хлеб, на воду, на горчицу, на кошачью еду, на все. Ты не видишь коробка спичек...

Отец показал – на краю приоткрытого ящика. Вид у него был огорченный. Шарли похлопала его по колену.

– Ты никогда не зарабатывал много денег, папа, – ласково сказала она. – И одеваешься как оборванец. Но за это мы тебя и любим.

Она поцеловала его, и он исчез. Отца Шарли любила больше всех на свете. Если бы сестры знали, что она беседует с ним почти через два года после его смерти... У нее вырвался смешок.

Шарли поставила на плиту чайник и кастрюльку с молоком. Потом пошла в соседнее помещение, где обитала гос-

пожа Бойлерша. Та была пузатая и добродушная на вид, никак не скажешь, что зануда. Но внешность обманчива. Эта ворчунья могла быть настоящей стервой.

– Привет-привет-привет, – заговорила с ней Шарли заискивающим тоном. – Как почивали? Хотите ням-ням? Готовы топиться без проблем, не будете доставать нас, бедных? Bravo- bravo- bravo...

Она кормила Бойлершу газетами и щепками уже добрых десять минут, когда в кухне раздались шаги.

– Кто бы ты ни была, – крикнула Шарли, нырнув по пояс в зев бойлера, – пригляди за молоком и поджарь тосты!

По ворчанью она догадалась, что «кто-бы-ты-ни-была» – Энид. Эту догадку подтвердили появление двух кошек и громкое мурлыканье. По всему было ясно, что Ингрид и Роберто спали в кровати Энид. Вечером, пообещала себе Шарли (как и каждое утро), она выгонит их метлой.

– Ты надела теплые носки? – крикнула она.

Энид появилась в дверях. Да, она надела носки, потрепанные после ночной прогулки, но еще вполне носибельные. Шарли мысленно поздравила себя. Растет сестренка. Еще в прошлом году Энид могла весь день ходить в одной рубашке, стуча зубами и повторяя: «Мне холодно, холодно, холодно», – ей и в голову не приходило, что можно просто надеть свитер.

– Колодец весь провалился в себя. Он похож на последний йогуртовый торт Гортензии.

Шарли в точности поняла, что имела в виду Энид.

– Ммм, – промычала она, выбираясь из нутра бойлера – Крышка треснула во всю ширину. Опять вылетят бешеные деньги. Только этого нам не хватало. Ты не забыла про молоко?

Энид послушно пошла посмотреть и нашла молоко тихим и смирным в кастрюльке на огне. Она вернулась.

– Клен тоже весь обвалился, – сказала она. – Как мы его уберем?

Шарли не ответила: наступил ключевой момент, когда надо было повернуть наиглавнейший рычажок у самого сердца госпожи Бойлерши. Миллиметром больше или меньше – и старая карга забастует.

– А, скажи? Как нам быть? – настаивала младшая.

– Энид, – проговорила Шарли ласковым голосом, который посторонний человек счел бы ангельским, но Энид-то знала, как он ядовит, – ты можешь заткнуться на три минуты, пожалуйста?

Энид заткнулась.

Шарли глубоко вдохнула. Взялась за наиглавнейший рычажок и очень осторожно повернула, еще, еще... Именно этот момент выбрал Роберто, чтобы с разбегу прыгнуть ей на плечо. Шарли выпустила наиглавнейший рычажок. Он как будто сам вырвался из руки. А из Шарли вырвалось нехорошее слово. Такое нехорошее, что кот испугался и стремглав унесся под этажерку с чашками.

Энид застыла с открытым ртом. Неужели Шарли, ее старшая сестра Шарли произнесла это... Да, никаких сомнений, она даже повторила это... нет, еще раз повторила!

– Теперь придется ждать два часа! И истратить все газеты! И щепки! И мерзнуть все утро! Если я еще увижу это бл... пробл... перебл... животное, я его...

Ингрид, услышав, как Шарли излагает свои планы, тоже пустилась наутек. Из кухни кто-то завизжал:

– Молоко убегает!

Это была Гортензия. Она выключила газ, подошла и прислонилась к двери. На лицах сестер застыло выражение глубокой растерянности.

– Ну что? – хихикнула она. – Ставим молоко на огонь и оставляем без присмотра?

Энид мимикой предупредила ее, но слишком поздно. Шарлотта испустила крик дикого зверя.

Весь провалился в себя. Энид выразилась очень точно: бортик колодца обрушился вниз под тяжестью упавшего клена, как от подземного взрыва.

– Ясен пень, дело не только в дереве, – объяснил господин из конторы, которому позвонила Шарли.

По правде сказать, это был заместитель заместителя господина из конторы, которому позвонила Шарли, потому что «после ночной бури нет такого дома, который бы не пострадал!».

– Камни были плохо пригнаны, да еще заплесневели, – продолжал господин. – Задень хоть один, и – бац! – снежный ком!

– Бац снежный ком? – повторили девочки.

– Как кусок сахара, который опрокидывает другой кусок, а тот опрокидывает третий? – спросила Женевьева.

– Вот-вот, – кивнул господин.

Его звали Филипп Бельмонбиш. Он жевал жвачку, которая высывалась между зубов каждый раз, когда он произносил слова с буквами «е» и «и».

Месье Бельмонбиш рассматривал нижнюю половину клена, единственную, которую было видно. Остальное провалилось в колодец. Славное дерево отважно нырнуло туда головой вниз. Корни тянули к небу тысячи своих щупальцев.

– Бедный старик, – вздохнул месье Бельмонбиш.

И у пяти сестер в ту же секунду всплыл в памяти голос отца, вздыхающий: *«Бедный старик! – перед стволом клена, еще не упавшим, но мертвым – Он родился в один год с вашей бабушкой Диной. Я не могу его срубить, это будет все равно что похоронить бедняжку дважды».*

Тогда клену дали отсрочку. Колючки, плющ, мох еще подпирали его и поддерживали.

– А как же Блиц и Свифт? – воскликнула Энид.

– Ты думаешь, они тоже на дне колодца? – с любопытством осведомилась Беттина.

Жевательная резинка месье Бельмонбиша, похоже, недо-

умевала, что значат слова «Свифт» и «Блиц».

– Что это... – начал месье Бельмонбиш.

– Блиц! – вдруг вскрикнула Энид.

– Послушай, – начала Шарли тоном, сообразным обстоятельствам. – Если Блиц был в дереве, когда оно упало, есть шанс, что... я хочу сказать, вероятность, что...

– Блиц! – снова завизжала Энид.

Это был возглас, исполненный радости. Маленький рыжий парашютик слетел с соседнего бука и приземлился прямо на грудь девочки.

– Блиц, – ласково повторила Энид, прижимая белочку к себе. Месье Бельмонбиш почесал за ухом кончиком мизинца.

– Сколько будут стоять эти работы? – пошла в атаку Шарли. Он стал загибать пальцы один за другим, перечисляя:

– Вывезти гнилой ствол. Расчистить. Заменить мраморную плиту. Выложить и скрепить каменный бортик. Зашпаклевать. Зацементировать...

– Сколько? – перебила Шарли.

Ей совсем не понравилось, что он назвал «гнилым стволом» почтенное дерево, видевшее рождение бабушки Дины.

Бельмонбиш озвучил цифру, от которой все побледнели.

– За высохший колодец? – возмутилась Шарли.

– Никому не нужный колодец? – подхватила Гортензия. – Который высох сто лет назад?

– Который сохранили для декорации? – вступила Беттина.

– Для красоты? – уточнила Энид.

– На память? – высказалась Женестьева.

– Так дорого? – заключила Шарли.

Окруженный со всех сторон, месье Бельмонбиш попятился, как Ясон от Горгоны, и едва не проглотил жвачку.

– С отделкой спешки нет, – пошел он на уступки. – Этим можно заняться и попозже.

– Сколько без отделки?

Без отделки итог был таким же головокружительным, как и с ней. Гортензия тряхнула короткими волосами.

– Лучше съешьте наши кишки, – проговорила она мрачно. – Под соусом грибиш.

– Я думаю, – начала Шарли, – мы вполне обойдемся без этих ра...

– Другое предложение! – поспешно воскликнул месье Бельмонбиш. – Вывозим это гнилье. (*Клен! Гнилье!* Шарли затрясло.) Засыпаем колодец. Три четверти работы в минувшее. Цена соответственно.

– То есть? – взяла быка за рога Беттина.

Он назвал куда более разумную сумму. Как бы то ни было, при их более чем скромном бюджете даже самая низкая цена их бы не устроила.

Но постоянно смотреть на разрушенный старый колодец с разинутой пастью и торчащий из него клен – ни дать ни взять удав, переваривающий динозавра, – было бы слишком удручающе. Шарли с тяжелым вздохом сказала:

– ОК, идет.

– Не сию минуту, – сказал месье Бельмонбиш, и шарик жвачки надулся у зубов.

– Когда?

– От этой бури все пострадали, говорю же вам. Встретимся через пару деньков?

– Хорошо.

Очень грустно было думать, что этой ночью мертвый клен действительно умер.

* * *

– Я бросаю курить, – сообщила Шарли Женевьеве на пляже.

Она потрясла ногой, высвобождая ботинок, медленно погружавшийся в ил, и нагнала сестру.

– Будем надеяться, что на этот раз окончательно, – отозвалась Женевьева. – Ты бросала уже пятьдесят один раз.

Она подобрала пригоршню водорослей и бросила в розовый пластмассовый тазик, который несла Шарли.

– Минуточку. Я не совсем бросаю. Объясняю: выкуривая половину моего недельного рациона, я сэкономлю за год столько, что нам с лихвой хватит заплатить месье Бельмонбишу.

– Да? Ждать целый год, чтобы вывезти клен и засыпать колодец? – воскликнула Женевьева.

В руке ее болталась водоросль, похожая на высушенного человечка.

– Нет. Но откладывать деньги никогда не поздно. Послушай...

И, наполняя розовый таз водорослями, Шарли объяснила, что покупает она пачку в неделю, а значит, выкуривает 2,8571428 сигареты в день, то есть, если она будет выкуривать половину, это составит 1,4285714, стало быть, половина еженедельного расхода и экономия в 52 раза...

– Вернемся? – перебила ее Женевьева, заметив, что вдали над океаном небо начало темнеть. – Дождь собирается!

Шарли встряхнула розовым тазом, чтобы равномерно распределить водоросли, и задумалась. Хорошая ли это идея? Нет, не вернуться домой – небо хмурилось уже так свирепо, что это было очевидно. А вот стоит ли лишать себя 1,4285714 сигареты в день ради дома, который грозит рухнуть от каждой непогоды? Только ради того, чтобы сэкономить в 52 раза... сколько же?

– Надеюсь, сегодня ночью на нас не обрушится новая буря, – сказала она, продев руку под локоть сестры у крутой лестницы на утес.

Дома Гортензия сидела, съездившись у батареи в гостиной, и писала с таинственным видом. Гортензия всегда писала, и всегда с таинственным видом. Беттина смотрела клип «Дыры в голове» по телевизору. Энид шмыгала и сморкалась.

– Ты плачешь?

– Нет, – ответила Энид, но глаза ее были полны слез.

Женевьева присела рядом с ней.

– Что с тобой?

От Женевьевы пахло тиной и водорослями. Иногда Энид казалось, что пахнет хорошо, иногда – что нет. Сейчас было хорошо.

– Она думает, – вмешалась Беттина, – что ее дружка Дракулу раздавило упавшим кленом.

– Он не Дракула! Его зовут Свифт.

– Все знают, что вампиры превращаются в летучих мышей.

Шарли нахмурила брови.

– А еще бывают, – проворчала она, – рыжие вампиры с конским хвостиком, в кроссовках на пористой подошве и с луженой глоткой.

В ответ Беттина пристроила наушники по обе стороны рыжего хвостика и стала подпевать клипу на экране «*Tell me youuu love me Juniiie Moon...*»⁵ Энид запустила в нее подушкой, но промахнулась. Беттина встала и вышла из комнаты.

Энид прильнула к Женевьеве. Она приняла решение. Если Свифт в колодце, раненый, придавленный ветками, она спустится на дно и освободит его.

⁵ Скажи, что ты любишь меня, Джунииии Мун... (англ.)

Голубка и недотрога, или Призрак-музыкант

Поднялся ветер, полил дождь. За пятнадцать секунд пробежки по парку Энид вымокла от волос до носков. Штанины джинсов весили по двадцать кило каждая, свитер тянул вниз.

У колодца лежал клен. Вид у него был не очень-то умный – в позе «березки», ногами вверх, головой вниз. Он, впрочем, больше походил не на березу, а на длинный стебель порея. Не очень умный, это точно.

– Свифт? – позвала девочка, перегнувшись через край колодца.

Камни, мусор. Ветви закрывали обзор. Энид снова позвала нетопыря. Отодвинула ветку. Крикнула в образовавшийся просвет:

– Свiiiiифт! Отзовiiiiиись!

И тут произошло *кое-что*.

Порыв ветра дунул с моря, нарастая, набирая силу, подхватил охапки веток, которые закружились вокруг колодца. У Энид возникло очень странное ощущение, будто вибрации струн наполнили ее всю, словно ее грудь стала виолончелью или гитарой. Ребра звучали, резонируя до сердца, до легких, глубоким вибрато, скрытым в самом нутре.

В уши ударил звук. Голос? Или рыдания... Оперные рыдания, плачущий голос, странная музыка наполнили воздух, парк, дождь и даже травинки на газоне.

Энид завизжала.

Как в тот раз, когда она увидела кусочек ужастика на видео Беттины. Девочка пустилась наутек с быстротой молнии, а странная музыка за спиной стонала и рыдала все громче и громче.

* * *

Шарли и Женестьева вернулись промокшие, вонючие и озябшие. Они были на огороде, где подкормили водорослями компостную яму. В гостиной на полную громкость орали телевизор и Гортензия:

– Выключи эту чертову музыку! Я не могу сосредоточиться!

– Иди в свою комнату! – отозвалась Беттина и снова запела «*Tell meee youuu love me Junniie*»...

– А я хочу сидеть в гостиной! Ты не можешь мне помешать!

Беттина повернулась к двум старшим, которые как раз вошли.

– Скажите этой зануде, что она меня заколебала! – она указала на Гортензию исполненным презрения большим пальцем.

– Она сняла наушники, как только вы ушли! – закричала та. – И врубила телевизор на полную громкость! Только чтобы всем досадить!

Шарли подошла и нажала на кнопку, телевизор издал удивленное «упс» и смолк. Беттина вышла из себя:

– Достали! Пусть пишет свои глупости где-нибудь в другом месте!

– Это не глупости! Не глупости! Не...

Гортензию душили слезы. Ничуть не тронутая этим, Беттина фыркнула:

– Дура!

Она нажала кнопку телевизора, который издал не менее удивленное «ипс» и снова заорал. Гортензия горько расплакалась.

– Довольно! – рявкнула Шарли.

Она выдернула шнур из розетки. Телевизор издал возмущенное «квак» и замолчал, на этот раз окончательно. Вне себя от ярости, Беттина выхватила у Гортензии тетрадь, которую та прижимала к животу. Ручка пролетела через всю гостиную. Беттина расхохоталась и запрыгала как безумная вокруг стола, размахивая тетрадью во все стороны. Гортензия побелела.

– Отдай! – выдохнула она.

– Отдай ей, Беттина! – взмолилась Женестьева.

Гарцуя вокруг стола, Беттина наугад раскрыла тетрадь и прочла басом:

– ...обращает на меня не больше внимания, чем если бы я была кофеваркой. Но я наблюдаю и сужу. А кофеварка, которая судит, может сделать очень больно...

Беттина радостно заржала, извиваясь от счастья.

– Кофеварка, которая судит? – выкрикнула она, потрясая тетрадью, как знаменем. – Что за бред ты пишешь, моя милая? И ради этой чуши ты нас всех достала?!

Гортензия так побледнела, что стала почти серой. Она бросилась животом на стол и схватила сестру за свитер. Беттина вырывалась, отталкивала ее руку, била по ней, кричала: «Пусти! Пусти!», но Гортензия держала крепко.

Шарли тоже ринулась через стол, наобум, без определенной цели. Женестьева подумала, что пора принять мужественное решение, которое она никогда не примет. Напрямую, вылить на всех кастрюлю холодной воды.

Услышав внезапное покашливание, все замерли и обернулись.

В дверях гостиной стояла незнакомая девочка. Девочка в темно-синем пальто и с тяжелой косой, спокойно лежавшей на правом плече. Своими ясными вопрошающими глазами она рассматривала четырех сестер. Рыдающую от злости Гортензию на столе, вцепившуюся в свитер Беттины, которая размахивала тетрадью и хохотала как одержимая. Растрепанных Женестьеву и Шарли, от которых воняло тиной и подгнившими водорослями.

– Здравствуйте, – сказала незнакомка. – Я позволила себе

войти. Звонила четыре раза.

В ее устах это прозвучало как констатация факта, ни в каком случае не упрек.

– Я Коломба, дочь Андре-Мари. Мама, наверное, вам говорила.

– Коломба! – воскликнула Шарли, выпрямляясь. – Ну конечно!

– Вы ждали меня позже, я знаю, но Национальная компания железных дорог не оставила мне выбора. Либо приехать сейчас, либо к полуночи.

Голос у нее был ровный, мягкий, текучий.

– Ты правильно сделала, – дружелюбно сказала Женевьева.

Беттина с любопытством уставилась на эту голубку, которая ворковала очень странные фразы типа «Национальная компания железных дорог не оставила мне выбора». Внимательно ее рассмотрела и почти сразу же поняла, что никогда не подружится с этой девочкой.

Гортензия, воспользовавшись моментом, выхватила у сестры тетрадь и спрятала под футболку.

Дверь с грохотом открылась вновь. Ветер бросил на ковер бедную Энид, взъерошенную, почти бездыханную, дрожащую.

– В парке живет призрак! – пропищала она. – Он плачет и поет! Я только что его слышала!

Шарли послала Коломбе улыбку, от всей души желая, что-

бы она вышла успокаивающей.

* * *

Беттина была в привилегированном положении – она имела ванную для себя одной. Это был не подарок сестер, просто ее комната единственная располагалась у башенки. И всем так было спокойнее, ведь Беттина занимала ванную от сорока пяти минут (если торопилась) до двух часов и больше (по воскресеньям, в каникулы и праздники).

Для Беттины это было в порядке вещей. Но только не в те дни, когда в доме бывали гости. Ее комната соседствовала с гостевой спальней, и ей, хочешь не хочешь, приходилось делить СВОЮ ванную с любым гостем Виль-Эрве.

Ей и выпала честь показать комнату Коломбе.

– Вот, – сказала она, открывая дверь гостевой спальни.

– Очень красиво. И... о, окно выходит на море!

Вечно одно и то же. Как будто они увидели Большой каньон на Марсе. Привычно-пресыщенным пальцем Беттина указала в коридор.

– Ванная рядом.

Она убрала со стула следы своих утренних примерок: свитера, платья, юбки, брюки, рубашки, – скомкав, бросила все в корзину для белья и закрыла ее с громким хлопком.

– Это всё твои коробочки? – восхитилась Коломба. – И эти чудесные флакончики?

Беттина забрала одну коробочку и два флакона, освободив десять квадратных сантиметров на заставленной до упора полке.

– Вот, можешь поставить сюда свои вещи, – сказала она.

– У меня нет ничего такого. Я вообще не умею краситься, – призналась Коломба с виноватой улыбкой. – Пробовала один раз. Жуть. – Она поколебалась: – Ты меня научишь?

– Ммм, – промычала Беттина, ничего не обещая. – Вот платяной шкаф. Он полон, но у тебя, кажется, не так много... э-э... одежды.

Коломба похлопала по своему чемоданчику.

– Верно, – засмеялась она. – Никогда не беру с собой много вещей в путешествия.

Беттина вынуждена была признать, что Коломба лучилась какой-то особенной красотой, когда смеялась. Но эта коса – вообще изврат. А туфли! И эти унылые шмотки!

– Ты много путешествуешь? – спросила она из вежливости.

– Мои родители работали в лабораториях по всему миру. Токио. Рио. Кабо-Верде. Абиджан. Я ездила с ними. Но два года назад мама захотела вернуться. Я была очень рада.

Беттина посмотрела на нее с презрением. На что жалуется эта сопля? Что объехала полмира в тринадцать лет?

– Я люблю долгие ванны, – сказала она. – А ты?

– Я скорее беглый душ, – ответила Коломба. – По-быстрому, – добавила она, заметив выражение лица Беттины.

Беглый душ. Впечатляет. Беттина поостереглась выказать свое облегчение. Она была уверена, что Коломба ответила так нарочно. Напрасный труд. Беттина терпеть не могла, когда с ней пытались быть милыми. Ей это казалось притворством или, хуже того, непростительной глупостью.

– А что это за дела с призраком? – вдруг спросила Коломба.

– Ничего особенного. Это Энид.

– Энид? Что такое Энид?

– Такая штучка, которая носит заколки с Милашкой Ми-ми и очень много болтает. Она же моя младшая сестра.

– О, прости.

– Ничего. Не всем же достаются такие имена, как у тебя.

Беттина сохраняла абсолютно серьезный вид. Коломба неуверенно покосилась на нее. Они вернулись в гостевую спальню. Коломба открыла свой чемодан и начала разбирать вещи. Беттина подавила всхлип, увидев только белые и/или темно-синие одежды, аккуратно свернутые, скатанные, выложенные в ряд.

– Ты боишься призраков? – спросила Беттина.

– Нет. Но тут есть где разгуляться фантазии, правда?

Беттина некоторое время смотрела на нее, открыв рот. Ну и заковыристые же фразы выдает эта девчонка!

– Энид любит сочинять.

– Но вид у нее был очень убежденный. И она, похоже, вправду испугалась.

– Она все выдумывает... Слушай, ты какой размер носишь? – воскликнула Беттина, увидев, как Коломба достает из чемодана белье (разумеется, тоже бело-синее).

Коломба залилась краской.

– 75В, – ответила она. – Я знаю, у меня слишком большая грудь для моего возраста.

Беттина промолчала. Конечно, она же не могла сказать Коломбе, что вовсе нет, не такая уж большая у нее грудь. И что ей это очень даже идет! И что она, Беттина, частенько мечтала носить...

Ничего этого она не сказала. Просто ответила:

– Если она не мешает тебе читать...

Коломба улыбнулась. На лице Беттины не дрогнул ни один мускул. Коломба сложила еще два бюстгальтера.

– Думаешь, Энид выдумала призрака?

Она уже достала с этой историей, подумала Беттина. Типа хочет поддержать разговор.

– Энид еще рассказывает про человечков, которые живут в вереске и под грибами.

– Я тоже в ее возрасте...

– Я тебя оставлю. Я показала тебе все, что может понадобиться. У меня дела.

Только не показывать ей, что ее можно счесть интересной.

– Ладно, – кивнула Коломба. – Пока.

Спускаясь вниз, Беттина невольно подумала, что, помимо суперской улыбки и суперской груди, у этой недотроги про-

сто восхитительные голубые глаза.

* * *

Мягкий и добродушный нрав гостя подействовал на всех пятерых сестер как успокоительное.

Шарли она напостила вязаную грелку на чайник тети Луcreции, Энид – детские книги мамы, красные с золотом, в ящике на чердаке, Беттине – их старый Trivial Pursuit⁶ без фишек.

Коломба знала ответы на любой вопрос. Даже если спросить, за сколько времени сколопендра обежит ствол такамаки⁷, она наверняка ответит: «Девять секунд с четвертью в дождь, пять с половиной в сухую погоду».

Для Женевьевы она была кружевным воротничком фасона «Клодина», который мирно спал, сложенный в шкафу на втором этаже. Гортензии она ничего особенного не напостила, но благодаря ей заветная тетрадь была вырвана из когтей Беттины, и за это Гортензия навсегда подарила Коломбе свою симпатию.

Для Базиля, навестившего их в тот же день, она стала просто еще одной хорошенькой девочкой в женском бастионе

⁶ Настольная игра, построенная по принципу классической викторины.

⁷ Тропическое вечнозеленое дерево, распространено на берегах Индийского и Тихого океанов. Его ствол может достигать полутора метров в диаметре.

Виль-Эрве.

Было воскресенье, он пришел в пять часов. И, как всегда, когда его визит приходился на пять часов в воскресенье, Базиль принес пирожные.

– Из «Ангела Эртбиза», – уточнил он.

Это была самая знаменитая кондитерская в городе. Энид украдкой показала язык Беттине, которая сделала вид, будто не заметила.

– Я видел бедный клен, – сказал Базиль, разматывая полутораметровый шарф. – Он увлекся спелеологией?

– Небо обрушилось ему на голову.

– Счастье еще, что не на дом.

– Небо или клен?

– Он мог убить Энид. Эта дурочка болталась там среди ночи.

– Что ты делала ночью на улице, Энид?

– Она искала свою летучую мышь. Да и до сих пор ищет.

– Может, это она пела утром в парке?

Энид никому ничего не ответила. Ей не померещилось, она точно знала. Она слышала призрака. Но убеждать старших – все равно что хотеть, чтобы изжеванная жвачка сохраняла вкус. Она смутно надеялась, что Базиль примет ее всерьез. Но он вскоре отвернулся – его больше интересовало, как Шарли на диване рассеянно скрещивала ноги. Зрелище, казалось, его завораживало.

– Очень-очень вкусная эта твоя «маркиза»! – похвалила

Гортензия, протягивая мини-кусочек упомянутой «маркизы». – Куда лучше, чем чей-то каштановый джем!

– Спасибо! – саркастически поблагодарила ее Шарли.

– Спасибо, – отозвался Базиль, ничего не знавший о кулинарных опытах своей Дульсинеи. – Ты заглянула в мою книгу? – добавил он, обращаясь к упомянутой Дульсинее.

– Твою книгу? – Шарли только сейчас о ней вспомнила. – Ту, что ты дал Энид? Да, да. Но успела только заглянуть.

– Хочешь попробовать каштановый джем Шарли, Базиль? – прошелестела Гортензия, чтобы добить сестру.

– Откажись, – посоветовала Беттина. – Иначе твои сны о Шарли улетучатся.

– Мои сны... – вздохнул Базиль. – Шарли знает, что она живет в них всегда.

Беттина громко фыркнула: *пуфф!* Женевьева прикусила большой палец. Коломба подняла голову от чашки и рассмотрела все от Базиля, что могла рассмотреть с того места, где сидела: три четверти левого профиля и мочку уха.

– Банальность, – сказала Шарли тоном, говорившим, что она тронута. – Но красивая.

Коломба увидела, как она склонилась к левому профилю и с улыбкой запечатлела на нем поцелуй.

– Спасибо, – шепнула Шарли мочке уха, которая стала ярко-розовой.

А Энид ломала голову, когда же эти большие тупицы (явно глухие к тому же!) заметят, что призрак играет свою му-

Зыку как раз сейчас и что слышит ее она одна!

Один шоколад, один! или Жалоба дровосека

Шарли шла, покачивая пустой корзиной для дров. Было уже темно, всего-то в половине шестого, и довольно прохладно. Ветер вновь набрал силу, и она не жалела, что надела свой любимый самый-старый-самый-толстый-свитер. Разумеется, ей подумалось (на минутку), что в этой штучке она вряд ли достигнет вершин великолепия... Ну и ладно. Все равно здесь только старый добрый Базиль.

Шарли бодро шла в сторону поленницы на западе парка. Услышав за спиной знакомые шаги, она притормозила, и две руки обняли ее за талию. Не оборачиваясь, она узнала Базилья, как узнала и его поцелуй, когда он обнял ее. Это был мирный поцелуй, знакомый, почти дружеский. Когда он закончился, Шарли не открыла глаза.

– Кто? – спросила она и прыснула.

Базиль не спеша застегнул воротник ее куртки и освободил Шарли от корзины. Они пошли дальше.

– Тебе не тяжело? – спросил он.

– Шутишь? Корзина же пуста.

– Я про этот дом, про нагрузки, про твоих сестер...

Шарли остановилась.

– Что ты виляешь? Хочешь на мне жениться и стать главой семьи?

– Почему бы нет?

После паузы:

– Ведь вы одни уже больше полутора лет, верно?

– Ты хочешь сказать, с тех пор как умерли мама и папа?

– Да.

– Девятнадцать месяцев и двадцать два дня. Она забрала у него корзину и повертела ее в руке.

– Нарубим дров?

– Почему бы нет? – повторил Базиль. – Жизнь будет для тебя намного проще.

– Если это твой единственный мотив, то ответ – нет, доктор.

Он снова обнял ее. В темноте парка он видел только маленький сияющий полумесяц ее улыбки, ничего больше.

– Дурочка, – прошептал он. – Ты же знаешь, что...

– Что?..

Он наклонил голову, чтобы разглядеть улыбку. Они с детства были одного роста. Он долго надеялся перерасти ее хоть на три-четыре сантиметра. Теперь было слишком поздно. Он поцеловал ее. Маленький полумесяц продолжал сиять.

– Ты же знаешь, – снова начал он, – что я всегда...

– Тсс. Послушай.

Кто-то заплакал вдалеке, по ту сторону деревьев. Горькие жалобы накатывали волнами вместе с порывами ветра.

– Это призрак, дружок Энид, – сказал Базиль.

С нервным смешком он обнял Шарли чуть крепче.

– Их, кажется, несколько. Армада привидений.

Она легонько оттолкнула его, задрав голову.

– Замолчи. Слушай.

– Я только это и делаю, детка. Ну, еще целую тебя, конечно.

– Ты больше ничего не слышишь?

Хруст веток, шорох сухой листвы... Шарли отстранилась от Базиля. Кто-то шел за ними в зарослях. Замаячила короткая тень.

– Энид? Это ты так плачешь?

Тень Энид покачала головой.

– Нет, это не я, – сказала она. – Это призрак. Это он плачет, а кажется, будто поет.

Далекие рыдания накатывали, как прибой в холодной ночи. После паузы Энид спросила тоненьким голоском:

– Теперь вы мне верите?

Шарли молча обняла ее за плечи. В конце концов, она и сама регулярно беседует с призраками мамы и папы. Интересно, видела ли малышка, как они с Базилем целовались?

* * *

– А я говорю, это связано со Свифтом. С его исчезновением.

Это происходило на следующий день. Вокруг Гулливера и Энид ложились осенние сумерки вместе с опавшими листьями, а одноклассники торопились к автобусам.

– Свифт – это белка? – спросил Гулливер.

– Нетопырь. Я тебе сто раз говорила. Бельчонок – Блиц, он просто перебрался с дерева. А Свифта я так и не видела после бури.

Гулливер любовно почесал бурую корку, украшавшую его локоть. Он обжегся на прошлой неделе, изготавливая египетские факелы собственного изобретения.

– Может быть, – предположил он, – это призрак нетопыря?

Взгляд Энид заледенил его на месте.

– Свифт не умер! – крикнула она. – У него есть крылья. Когда клен упал, он улетел. Наверняка.

Кто-то хлопнул ее по плечу. Она обернулась и увидела ДББ – Дивизию БезБашенных. То есть Денизу, Беотэги и Беттину. Беттина выпалила, что не поедет на автобусе, а зайдет за Шарли в лабораторию в шесть часов и они вернутся вместе на машине.

– Ты с нами? – закончила она.

Энид отлично знала, что у Беттины нет ни малейшего желания таскать ее с собой. Но Шарли не разрешала Беттине нарочно опаздывать на автобус и болтаться в городе с подружками, а присутствие Энид служило своеобразным оправданием ее похождениям.

– Женестьева выйдет через четверть часа, – буркнула Энид. – Попроси ее пойти с вами.

– У нее сегодня беби-ситтинг, а мы угостим тебя шоколадом. Вообще-то Энид отнекивалась для проформы. Даже без обещания шоколада и невзирая на Беотэги и Денизу, которые слишком громко и слишком часто хихикали, она обожала ходить с Беттиной в город после школы.

– Я знаю, куда вы собрались, – сказал Гулливер, победоносно отодрав корку от локтя.

Его египетские факелы были похожи на те, которыми светили себе ученые в кино, когда их преследовала злая мумия. Он сделал их своими руками – вот и доказательство. Он очень гордился собой.

– Да ну? И куда же? – фыркнула Беотэги, скорчив гримасу.

– В «Ангел Эртбиза». И знаю почему!

– Продолжай, сопляк!

– Из-за официанта! – выкрикнул Гулливер и быстренько юркнул в автобус.

Высунувшись в приоткрытое окно, он проорал еще громче:

– Чтобы увидеть Хуана! ДББ влюблены в него без памяти!

Он увидел, как рассмеялась Энид за спиной Беттины.

Дениза, Беотэги и Беттина толкнули дверь «Ангела Эртбиза».

– Он здесь? – пробурчала Беттина себе под нос. – Посмотри, Энид, пожалуйста.

- О ком ты? – невинно спросила Энид.
- Пожалуйста, не строй из себя дурочку.
- Да, Хуан здесь.
- Пожалуйста, не так громко.
- Он нас видит?
- Нет, – ответила Энид. – Как обычно.
- Язва.
- Так это же правда, он никогда на вас не смотрит.
- Ой, пусть она заткнется!

Из-за столика в углу им помахал мальчик. Кловис Булесте, из коллежа. Беттина поколебалась.

– Сядем с ним? – прошептала она.

– Почему бы нет? – отозвалась Беотэги. – Может, Хуан приревнует.

Они уселись за столик Кловиса.

– Ну, – сказал он, – что там с вашей кровожадной вечеринкой, когда вы ее устроите?

– Вечером в Хеллоуин.

– На Хеллоуин будет суперский праздник в городе. Почему не раньше? В пятницу, например?

Он заказал крем-брюле по-бретонски с черносливом, девочки – шоколад.

– И еще торт, – потребовала Энид.

– Давай, не стесняйся! – буркнула Беттина. – Торт с чем-нибудь, пожалуйста, мадам Эртбиз!

Беттина встретила глазами с Хуаном, но не прочла в них

ни малейшего интереса. Энид, паршивка, права. Ему на них глубоко плевать. И на нее в том числе. Она надеялась, что он принесет заказанный торт, но их обслужила мадам Эртбиз.

Беттина, вздохнув, повернулась к Кловису:

– Ты прав. Будет сразу два случая повеселиться. Но...

Кловис приступил к крем-брюле.

– Но, – продолжала Беттина, – мы собирались устроить вечеринку для девочек.

Проглотив ложку крема, он невозмутимо ответил:

– Вы передумаете, когда...

Он умолк. Ему попалась черносливина. Посмаковать ее потребовало нескольких секунд.

– ...когда вы узнаете, что... – продолжил он и облизал ложку.

– Рожай уже.

Он вытер руки.

– ...у меня есть гиперкровожадное видео. Дядя Пьетро прислал мне его из Ньюарка.

– У тебя есть дядя Пьеро в Нью-Йорке?

– Пьетро в Ньюарке.

– И что это?

– Город в Нью-Джерси.

– Я про фильм, балда. Что это?

– «Возвращение Чапи».

Все заахали. Как? «Чапи, кукла-убийца, возвращается»!!! Восторгаясь, Беттина незаметно склонила голову в сторону

Хуана. Он чистил фильтр кофеварки и сам не подозревал, до чего же мил с отблеском нержавеющей стали на левой ноздре.

– Загвоздка: нет французских субтитров, – уточнил Кловис.

– Ба, – фыркнула Беотэги, – в фильмах ужасов все диалоги одинаковы: «Oh my God!» значит «На помощь, убийца заперт в одной комнате со мной!».

– А «Fuck him!» значит «Я стреляю в него из „Магнума-357“ уже целый час, почему он еще жив?!».

– А я достала «Помнишь, что вы делали на чердаке этой зимой – 2» и «Вопли психоза – 3». А ты, Бео, что принесешь?

– Куриные ножки по-мексикански.

– Опухнем, – сказал Кловис.

– Суперкласс, – возразила Дениза.

– Черт, – прошипела Беттина, застыв на стуле.

Проследив за ее взглядом, Энид увидела Коломбу. Коса все так же ровненько лежала на погончике синего пальто. Она стояла спиной и не видела их, Хуан ставил перед ней на стойку миндальное печенье.

– Ты ее знаешь? – спросила Беотэги.

– Симпатичная, – заметил Кловис.

– Если любить допотопных пернатых.

– Что такое «допотопный»? – спросила Энид.

– Доисторический. Вышедший из употребления.

– В этом есть своя прелесть, – заверил Кловис. – Кто она

такая?

– Драма из зоны С.

– ...

– Дочка коллеги Шарли. Ее зовут, сидите крепче, Голубка.

– Коломба, – поправила честная Энид. – Она приехала к нам на неделю.

Услышав свое имя, Коломба обернулась. Она просияла при виде Энид и Беттины. Беттина нахмурилась. Коломба, чуть поколебавшись, направилась к ним.

– Я съездила в город забрать почту родителей, – объяснила она. – Заодно купила миндальное печенье.

Холодное молчание. Энид ломала голову, что бы такое дружелюбное ей сказать. Коломба весело тряхнула пакетиком, который держала в руке.

– В Виль-Эрве любят печенье?

– Без голубиных перьев! – шепнула Беттина Беотэги и Денизе, и те прыснули.

Коломба неуверенно улыбнулась.

– Садись, – по-джентльменски пригласил ее Кловис.

– Нет, спасибо, – покачала она головой. – Автобус на Колиньер вот-вот придет. Ведь этот автобус идет до Виль-Эрве?

– Беттина и Энид поедут на машине с Шарли, – сообщил ей Кловис с коварным простодушием. – Забудь про автобус, поедете все вместе.

Он стойчески выдержал боль в пальцах ноги, придав-

ленных каблуком разъяренной Беттины. Ладно, Коломба – невозможное имечко, но у нее красивые глаза, так мило косящие в его сторону, ради этого можно и потерпеть.

Коломба села, держась чуточку напряженно.

– Что ты закажешь? – спросил Кловис.

– Горячий шоколад.

* * *

Женевьева заканчивала растяжку, когда месье Кол Мой принес ей новые перчатки.

– Сегодня у нас упражнения на выносливость, – сказал он своим теплым певучим голосом.

– С грушей?

– С грушей. Ты дашь настоящий бой. Скажем, минут на семь.

Женевьева бросила долгий взгляд на других боксеров, тренировавшихся в зале, потом на собственное отражение в высоком зеркале.

– Готова?

– Готова.

Она направилась к длинной колбасе из черной кожи. Месье Кол Мой улыбнулся. Он был худенький, и по его изящно-небрежным движениям никак нельзя было предугадать сокрушительную силу удара в бою.

– Не эта груша, – сказал он. – Вон та помягче, тебе будет

не так больно.

Женевьева встала в стойку – локти расставлены, кулаки у лица.

– Работай кулаками и локтями два раунда, потом ступнями и коленями.

Женевьева улыбнулась про себя. Знали бы сестры, что вместо беби-ситтинга она занимается тайским боксом... Ее рука взлетела в молниеносном прямом ударе. Она это обожала.

* * *

Хуан принес Коломбе шоколад, держа поднос на согнутой руке, словно обнимая партнершу в танце. Его глаза и волосы были необыкновенно нежного рыжего цвета.

Девочки уже провели расследование и узнали, что красавчик Хуан, пятнадцати лет, живет с отцом в Париже (зона С), приехал на каникулы к матери и помогает ей в кафе.

Он обошел стол, чтобы поставить чашку перед Коломбой. Энид перехватила странный взгляд, брошенный им на Беттину. Но Беттина слишком злилась из-за присутствия Коломбы, чтобы хоть что-нибудь заметить. Энид удивилась, но так и не поняла, что значил этот взгляд Хуана.

И тут произошло одно событие – короткое, неприятное и громкое. Чашка Коломбы вдруг спрыгнула со стола, пролетела прямо под носом у Энид и со звоном разбилась об пол.

Все посетители обернулись. Коломба ошеломленно уставилась на расплывающееся по пальто шоколадное пятно.

Энид понадобилось пять секунд, чтобы понять, что это быстрая рука Беттины столкнула чашку. И еще одна, чтобы догадаться, что она сделала это нарочно.

– Беги скорей отмывай! – воскликнула Беотэги.

– Прости! Извини! – повторяла Беттина с неприметной улыбкой, которую уловила одна Энид.

Коломба бросилась в туалет. Энид пристально посмотрела на сестру. Беттина спокойно стирала со стола шоколадные брызги уголком бумажной салфетки.

Коломба терла пальто туалетной бумагой, которая оставляла кучу белых крошек, смотревшихся на темно-синем не очень.

Позади открылась дверь. Она увидела в зеркале рыжего официанта, который подавал ей миндальное печенье и шоколад. Его красивые глаза смотрели сокрушенно, но он улыбнулся прекрасной улыбкой, тронувшей ее до глубины души.

Он протянул чистое полотенце:

– Этим будет лучше.

Он помог Коломбе отмыть пятно, потом снял с нее пальто и включил сушилку для рук. Горячий ветер из аппарата обдул их склоненные лица. Коса Коломбы скатилась на передник Хуана. Он улыбнулся.

Когда ткань стала почти сухой, а пятно – едва заметным,

он попятился к двери. Коломба тем временем надевала пальто.

– Сойдет?

– Все отлично.

Она, кажется, покраснела, но не решилась взглянуть в зеркало, чтобы проверить. Застегнув пальто, она еще раз сказала:

– Спасибо.

Вернувшись к столику, Коломба посмотрела на Беттину, но та отвела глаза.

– Я все-таки поеду на автобусе, – сказала Коломба.

И отошла. Беттина наконец посмотрела на нее, на ее спину – и возненавидела ее еще сильнее. Да, возненавидела. Та прекрасно знала, что она опрокинула чашку нарочно, но делала вид, будто так и надо.

– Эй! – крикнула в спину Коломбе Энид. – Поедем с нами на машине!

– Да, не смейся людей! – презрительно фыркнула Беттина. – А то Шарли подумает, что ты нами пренебрегаешь!

Коломба поколебалась – и вернулась. Лицо ее было спокойное, хотя на щеках выступил ярко-розовый румянец.

– Ничего подобного, – сказала она. – Хорошо, я поеду с вами.

– Не кричи. Она тут ни при чем, бедный котенок.

– Но звуки-то есть!

– Как будто дети поют... или плачут. Или плачут и поют.

Может быть, они замурованы много веков...

– Замолчи, Гортензия. У меня мороз по коже.

Беттина вдруг взвизгнула и испуганно показала куда-то пальцем.

В плохо освещенном углу длинного коридора двигалась бледная тень... Энид зажмурилась и уткнулась в бок Жене-вьевы. Прозвучал нервный голос Гортензии:

– Что это за фигня?

Следом – голос Шарли, громче, с раздражением:

– Коломба! Кончай изображать привидение, слышишь?

Энид открыла один глаз. Бледная фигура действительно оказалась Коломбой. Очень странной Коломбой, которая шла пошатываясь, кулаки сжаты, глаза закрыты. Зрелище было жуткое, особенно под этот плач из стен.

– Она лунатик, – сказала Жене-вьева. – Не надо ее будить, я отведу ее в кровать.

Она осторожно взяла Коломбу за руку, сделав остальным знак молчать. Эту команду все выполнили без труда, оцепене-нев от страха и холода.

– Ну все, в постельку! – распорядилась Жене-вьева, вернувшись через несколько минут. – Завтра утром – в школу.

Разумеется, уснуть никто не смог. Поворочавшись в постели добрых полчаса, Энид спустилась в кухню выпить го-

рячего молока.

Она нашла молоко и стаканы на столе, а вокруг стола – четырех сестер и двух кошек, которым пришла в голову та же мысль.

– Ты тоже не спишь? На, поешь.

Гортензия протянула ей миндальное печенье.

– Коломба спит?

– Сном младенца. Как только ей это удастся при таком шуме?

Шарли лизнула глазурь своего печенья.

– Завтра, – сказала она, – я упрошу Базиля переночевать здесь.

Все захихикали. Она и бровью не повела.

– Может быть, – спокойно продолжала она, – присутствие мужчины отпугнет духов.

Снова смех. Шарли метнула подозрительный взгляд на лица вокруг стола. Все уткнулись в стаканы с молоком. В том числе и кошки.

– Я потеряла кольцо, – сообщила им Коломба за завтраком. – Если найдете или кто-нибудь принесет, знайте, что это мое.

После трудной ночи все клевали носом над тостами. Правда, хорошая новость скрасила начало дня: госпожа Бойлерша топилась и не капризничала. Было тепло.

– Кольцо? – переспросила Шарли, ошарашенная, как буд-

то ее попросили передвинуть статуи на острове Пасхи одним пальцем.

– Какое кольцо? – поинтересовалась Энид.

– С ромбиками из цветного стекла. Разноцветными, как костюм Арлекина.

Беттина мысленно закатила глаза. Костюм Арлекина. Типичная фраза а-ля Коломба.

– Вы что-нибудь видели? – спросила Гортензия.

Никто ничего не видел. Коломба обреченно вздохнула.

– Это должно было случиться. Я так боюсь его испортить, что слишком часто снимаю. Ну и вот.

– Если оно в доме, ты его найдешь, – заверила Женевьева.

– Разве что призрак... – начала Беттина и умолкла, увидев выражение лиц сестер.

У ворот затормозила машина Базиля. Шарли позвонила ему, едва проснувшись, и он обещал заехать после первой консультации.

Он вошел в большую кухню с вертевшейся на языке шуткой по поводу призрака, но тотчас проглотил ее: вид у девочек был мрачнее некуда.

– Ку-ку! – окликнул он их, бросив на пол большую дорожную сумку. – Я пришел на подмогу.

Беттина указала подбородком на сумку:

– Ты рассчитываешь задержаться у нас на десять лет?

Базиль покраснел.

– Нет, – возразил он. – Но Шарли не уточнила, на сколько

времени...

– Единица времени призрака – вечность, – мрачно изрекла Гортензия. – Ты к нам навсегда?

– Всего на несколько дней, – вмешалась Шарли, сделав сестрам большие глаза. – Если тебя это не стеснит, Базиль.

– Конечно нет.

«О, нет-нет-нет!» – подумали хором, улыбаясь про себя, Энид, Беттина, Женевьева и Гортензия. Ради любви Базиль готов был сразиться со всеми призраками на том и этом свете и остаться в Виль-Эрве столько, сколько пожелает Шарли. Для него это все равно будет слишком мало.

Но они оставили свое мнение при себе. Базиля они все любили.

* * *

В среду Гулливер провожал Энид на ферму Паймино, в двух километрах, чтобы купить молока и яиц. Они тащили за собой клетчатую сумку на колесиках.

– Приходил еще ваш призрак? – спросил Гулливер.

– Сегодня ночью он спал. Мы тоже.

– Хотел бы я разок у вас остаться, посмотреть.

– Дом начинает переполняться.

– А ты нашла... – Гулливер попытался вспомнить имя, но не вспомнил, – ... твою летучую мышшь?

– Нет.

Он не стал расспрашивать.

Сидони Паймино, которую предупредила Шарли, уже приготовила бутылки с молоком, сливки и коробки с яйцами. Сидони была одноклассницей Шарли, а потом училась в коммерческой школе в Париже. Это была высокая симпатичная женщина с огненно-красными губами и ногтями.

– Как дела в Виль-Эрве? – спросила она, пока Энид отсчитывала деньги.

– Ничего... Но без призрака было бы лучше.

– Призрака? – повторила Сидони.

– Который плачет каждую ночь, – пояснил Гулливер.

– Не каждую, – поправила Энид. – Иногда. Когда буря.

Сидони прыснула:

– Может, это призрак Гийеметты Обержонуа?

– Гийеметты Оберж... кого?

Имя показалось Энид смутно знакомым. На минуту забыв о монетках, она посмотрела на улыбающуюся Сидони.

– Кто это?

– Она была хозяйкой Виль-Эрве задолго до твоего прадеда. Вы не знаете эту легенду?

Энид что-то слышала от родителей, но это было давно...

– Расскажешь нам?

– Для начала, я приготовила паннакотту⁸. Кто хочет? Ее вкус очень подходит к легендам.

Сидони отрезала два толстых ломтя паннакотты из глиня-

⁸ Паннакотта – итальянский десерт из сливок, сахара, желатина и ванили.

ного горшка.

– Вот, значит, как, вы не знаете печальную и ужасную историю Гийеметты Обержонуа? Ну, слушайте, ягнятки, слушайте...

Она провела по краю горшка пальцем и облизала его.

– Жили-были однажды... Гильдаз и Гийеметта Обержонуа, владельцы поместья Эскиль. И любили они друг друга безумной любовью. Они поженились и жили в красивом доме, который назывался Утёс. Гильдаз жил только ради своей Гийеметты, а Гийеметта – только ради своего Гильдаза. А еще красавица любила играть на арфе. Гильдаз подарил ей инструмент: дерево для него доставили из Венгрии, а струны – из Венеции. Гийеметта играла на арфе как ангел, и люди приезжали издалека, чтобы послушать ее. И вот однажды, в грозовую ночь в октябре, случилась трагедия. Супруг в то время был в отъезде, и полог балдахина в спальне Гийеметты загорелся. Вскоре огонь охватил всю комнату. Вспыхнула и арфа. Гийеметта хотела ее спасти, но инструмент был слишком тяжелый. Гийеметта выбилась из сил. Ветер между тем раздувал пламя. Окруженная огнем, она сгорела заживо.

– Это ужасно! – прошептала Энид, вздрогнув.

– Да, зато паннакотта ужасно... вкусная. Ладно, я продолжаю? Супруг, убитый горем, вонзил кинжал себе в сердце. А Утёс стал проклятым домом. Пустым. С привидениями. Никто не осмеливался в нем поселиться. Прошло пятьдесят лет, от него остались развалины. И вот настал тысяча девятьсот

восемнадцатый год. Год, когда твой прадед, Эрве Верделен, простой рыбак, вернулся с войны. А что такое дом с привидениями для того, кто выжил на мировой войне, скажите на милость? Эрве ничего не боялся. Он купил дом у муниципалитета за гроши и вместе с братьями и сестрами решил его отстроить.

Эту часть истории Энид знала. Эрве и его родные сами обтесывали гранитные глыбы, выпиливали балки, покрывали кровлю, обустраивали парк.

Через двенадцать лет тяжелого труда Утёс стал Виль-Эрве.
– Октябрь на дворе, – продолжала Сидони. – Может, Гийеметта захотела напомнить о себе?

Она соскребла со дна горшка крошки, которые только одна и видела.

– Не надо бы мне, – сказала она. – Как же моя фигура? Но уж очень хорошая паннакотта, правда?

– Очень! – подтвердил Гулливер. – Так ты правда думаешь, что это может быть Гийеметта?

Сидони рассмеялась.

– Не верьте вы этим глупостям! Таких историй рассказывают уйму про все дома в округе. Не берите в голову!

И она показала на горшок:

– Еще по ложечке?

Энид и Гулливер отказались. Сидони отрезала каждому по большому куску, завернула их в фольгу и убрала остатки на холод.

– Как он назывался, этот инструмент? – спросила Энид.

– Какой инструмент?

– Гийеметтин.

– Арфа. Но это же просто легенда.

Сидони расцеловала их на прощание, и они ушли, катя за собой полную сумку. Когда они прошли метров сто, Энид сказала:

– Может быть, это она – призрак... Гийеметта Обер-как-ее-там.

– Я даже не знаю, как звучит арфа.

– Помнишь Арпо? Того из братьев Маркс, который молчит? Вот он на ней играет.

– Ага.

В эту ночь Энид ждала, лежа в постели, уставившись в темный потолок. Но все было тихо. Ветер улегся. И призрак безмолвствовал.

Беби-ситтинг и Бой с тенью, или Смертоубийство за багет

В пятницу Женестьева вернулась поздно, запыхавшаяся и взмокшая, после своего «беби-ситтинга».

– Ты пасешь маленьких Десульеров? Или свору питбулей? – заметила Шарли.

– Это из-за автобуса! – пропыхтела Женестьева и покраснела бы, если бы уже не была пунцовой. – Я бежала.

Она поспешила наверх, чтобы избежать расспросов и принять душ. На последней ступеньке Макарони ждала Гортензия: на плече полотенце, в руке мыло, на коленях «Шейла Великая».

– Ты думаешь, что сможешь воспользоваться ванной? – остановила она сестру. – Ни-ни. К нам нагрязнула Дивизия БезБашенных!

– Черт! Кровожадная вечеринка Беттины и ее подруг... Совсем забыла!

Оставалась ванная при гостевой спальне.

– Ошибка! – сказала Гортензия, читая мысли сестры. – Там сейчас Коломба. И уж извини, мы с Энид записались в лист ожидания.

Женестьева ушла в свою комнату. Ничего не поделаешь.

Поскольку под одеждой на ней еще была форма для «беби-ситтинга» (иначе говоря, тайского бокса), можно было продолжить тренировку.

Она заперла дверь, сняла джинсы и свитер, оставшись в шортах и майке. Повязала на голову *мунгкон*, потрогала *куанг ранг* на шее, надела перчатки, которые прятала в сумке, и, встав перед зеркальным шкафом, начала бой с тенью.

Отец появился в зеркале, прислонившись плечом к стенке закрытой кровати. Руки в карманах – она всегда любила эту его манеру держаться.

– Не пора ли тебе им признаться, а?

– Привет, Фред, – ответила она. – Что новенького?

– Скажи им правду.

– Как-нибудь на днях.

Женевьева опустила голову, уклоняясь от прямого удара своей тени.

– Скрытница, – с улыбкой прошептал Фред.

Развернувшись в свинге, Женевьева увидела маму, которая искала на полке какую-то книгу.

– Ты тоже здесь?

– Я хотела перечитать «Остров надежды», – сказала мама. – Думала, он у тебя здесь.

– Он у Шарли.

– Ладно, пойду попрошу у нее.

Женевьева перестала боксировать, повернулась и внимательно посмотрела на родителей:

– А вы к Шарли тоже приходите?

Отец улыбнулся, прижав палец к губам, обнял другой рукой жену, и оба исчезли.

Женевьева всмотрелась в свою одинокую тень в зеркале. Знали бы сестры, что у нее целых две тайны!

На другом конце коридора, в ванной комнате, тоже надежно запертой на засов, Беттина, Дениза и Беотэги делали пробы устрашающего макияжа к следующему четвергу. Беотэги купила серьги в виде тарантулов, Дениза наклеила татуировки летучих мышей, а Беттина примеряла линзы «змеиный глаз».

– Туда надо плюнуть, чтобы пристала к глазу.

– Бе-е! Ты уверена? Читала инструкцию?

– Нет. Но Эвридика Саше из первого «Д»⁹ всегда плюет в свои линзы для близорукости.

Беттина плюнула. Линза слетела с пальца. Смеясь и визжа, девочки принялись ее искать, ползая на четвереньках по плиточному полу.

– Нашла!

– Балда, это не линза.

– Это накладной ноготь, ты его потеряла.

В дверь постучали.

– Спасибо за хлеб, Беттина! – крикнул голос Шарли.

⁹ Система школьного образования во Франции отличается от российской. Ступени обучения на этапе среднего образования считаются от шестой к первой. То есть первый класс соответствует российскому 11-му классу.

– Черт, хлеб! – пробормотала Беттина, хлопнув себя по лбу. – Совсем из головы вон... Эй, Шарли!

Но Шарли уже ушла, и звук ее шагов затих на лестнице.

– Сваливаем отсюда, – решила Беттина, когда линза была наконец найдена.

Они в последний раз полюбовались собой в зеркале. На лестничной площадке им встретилась Коломба, выходявшая из другой ванной.

– Великолепно! – воскликнула она от всей души. – Это для кровожадной вечеринки?

– Нет. Просто пробы для четверга.

В четверг были Хеллоуин и большой праздник в городе. Повсюду висели афиши.

– Вы произведете фурор, – сказала Коломба.

Они посмотрели ей вслед, ни слова не говоря. Беттина скорчила рожу у нее за спиной. Когда Коломба скрылась, Дениза тоненько пропищала:

– Ви проишьведете фюрор, вау!

И все трое покатались от смеха, который Коломба внизу отлично слышала.

Позже макияж был одобрен веселыми возгласами Энид и Шарли. Сидевшая за компьютером Коломба, которой не было никакого резона еще раз выказывать любезность этим трем язвам, не отрывалась от экрана.

Беттина вдруг заметила, что Энид ест бутерброд с шоколадом.

– Хлеб, значит, остался. И надо было меня упрекать, что я забыла его купить?

– Забыла? – удивилась Шарли. – Багеты в кухне – разве это не ты?

– Ничего подобного. Я думала, твое «спасибо» – просто издевка.

Все растерянно переглянулись.

– Это ты, Гортензия?

– Нет.

– Женевьева? Энид?

– Нет.

– Нет.

– Призрак?

– Ох! Заткнись, Энид!

– Это я, – сказала Коломба.

Сестры обернулись.

– Я слышала сегодня утром, как Шарли просила Беттину не забыть хлеб. И я... Вот и всё. Его, надеюсь, хватит?

У Беттины зашипало в носу от злости.

Коломба слышала, как Шарли утром просила ее...

– А если бы я купила, – проговорила она ледяным тоном, – что бы ты сделала с твоими багетами? Косточки для бюстгальтера?

Она с удовольствием смотрела, как бледнеет Коломба.

– Я видела, как ты входила с подругами в магазин шуток, – спокойно объяснила та. – Булочная уже закрывалась. Я ре-

шила, что ты забыла.

Дениза и Беотэги сжали с двух сторон локти Беттины. Не сознавая, какая драма разыгрывается на ее глазах, Шарли улыбнулась Коломбе:

– Базиль будет тебе благодарен. Он ест с хлебом даже пиццу!

Она ушла в кухню, где Энид делала себе новый бутерброд. Коломба осталась одна с тремя своими врагинями.

– Bravo, Недотрога! – прошипела Беттина.

– Я не хотела, чтобы Шарли узнала, что это я, – заверила Коломба, – но...

Беотэги издала ртом неприятный звук и заключила:

– Притвора.

Они ушли, держась за руки. Коломба показала им вслед язык. Вернулась Энид с бутербродом. Она посмотрела на Коломбу, нашла ее милой и грустной и задумалась, что бы ей сказать милого и веселого.

– Сейчас придет твой поклонник.

Глаза Коломбы вспыхнули.

– Мой поклонник?

Энид удивилась, поняв, что она действительно кого-то ждала.

– Кловис Булесте. Он придет на кровожадную вечеринку.

Энид прыснула. Коломба тоже прыснула, как будто услышала что-то действительно смешное. Энид подумала, что Коломба, возможно, вправду влюбилась в Кловиса.

– Ты пойдешь к Беттине смотреть ужастики?

– Не думаю, – ответила Коломба и перебросила косу с правого плеча на левое.

– Я тоже, – вздохнула Энид. – Я еще маленькая.

* * *

Ред-Гуз, штат Коннектикут. В грозовую ночь кукла Чапи растерзана в детоубийственном порыве своей пятилетней хозяйкой. В отместку Чапи убивает всех подряд голыми руками, даже когда у нее их (рук) нет.

Через шесть гроз и 41 минуту фильма двое тинейджеров – ГГ, главные герои – занимаются любовью в пустом кабинете биологии почтенной Высшей школы Ред-Гуза. Не совсем пустом... потому что они заперли вместе с собой жуткую Чапи, которая следит за ними из шкафа с пробирками.

– Надо придумать план, – пробормотала Беттина себе под нос. Не теряя из виду злодейку Чапи, Дениза шепнула:

– Ты о чем?

– Чапи? – спросил Кловис.

– Хуан? – спросила Беотэги.

– Твои плохие отметки по физике и химии?

Тут Чапи с оглушительным грохотом разбила банки с органами. «*Oh my God!*» – визжит ГГ-тинейджер, давая понять, согласно правилам, что убийца с ней в одной комнате.

– Выставить на посмешище Недотрогу, – сказала Беттина.

Ред-Гуз, штат Коннектикут. Чапи рвет и мечет. Разбитой пробиркой, «розочкой» бутылки, зубами и т. д.

– Ты хочешь отомстить, как Чапи?

– Просто проучить ее.

– Что она тебе сделала? – удивился Кловис. – Купила хлеб, который должна была принести ты, ну и что?

– Ненавижу эту мать-Терезу-из-Батиньоля.

– Правда! – подхватила Беотэги. – Этот ее видок типа я-сама-доброта-но-ты-этого-не-понимаешь – просто жуть.

Чапи пробирается на заднее сиденье машины, радостно предвкушая, как выпустит кишки другим тинейджерам, которые тискаются на переднем сиденье.

– Нельзя же мстить человеку только из-за мать-Терезинского поведения! – воскликнул Кловис под хруст костей и гейзеры гемоглобина на экране.

– Наоборот, это веская причина.

– Какой план? – спросила Беотэги.

Чапи свирепствует. Домкрат разносит вдребезги открытую машину на манер электрошвабры с примесью бойни в эпидемии ящура.

– Что-нибудь такое, что убьет ее насмерть, – сказала Беттина. – Морально.

– Пошлет в нокаут, да?

– В супернокаут.

Ред-Гуз, штат Коннектикут. Чапи наконец добралась до убийцы куклы-убийцы. На экране красавчик Донни Джепп

проживал, вне всякого сомнения, последнюю секунду суперзвезды фильма. *The end*. Вот только... СтеклЯнный глаз Чапи мигает. Ждите «Чапи-3»... «Возвращение возвращения».

После этого Беотэги, Беттина, Дениза и Кловис проглотили, не переводя дыхания, остатки пиццы, «Помнишь, что вы делали на чердаке этой зимой – 2», Женевьевин тирамису, куриные ножки по-мексикански, «Вопли психоза – 3»... И тут все разом проснулись!

Во-первых: потому что всех сморило на пятьдесят восьмом вопле психоза.

Во-вторых: потому что вопль, не психоза, но близко к тому, пронзил сгустившиеся сумерки.

Девочки и Кловис замерли, оцепенели, вжавшись поглубже в раскладной диван.

– Что это было? – выдавила Дениза.

Это была Энид. Она спала и видела кошмарные сны, свернувшись клубочком на полу между стеной и диваном.

– Негодяйка. Она посмотрела все фильмы за нашей спиной!

* * *

Энид стащила мобильный телефон Беттины и заперлась в туалете на втором этаже, чтобы позвонить Гулливеру. Он может приехать сейчас? Да, прямо сейчас. Гулливер запротестовал. У него волейбол, ведь сегодня суббота, а до это-

го надо отвести младшую сестренку Билитис к кинезиотерапевту лечить сколиоз.

– Тогда давай после. Но не слишком поздно.

– Зачем?

– Принеси мобильник. И твои египетские факелы.

– Зачем?

Она повесила трубку.

Гулливер прикатил на велосипеде около трех, Энид ждала его у въезда в Тупик. Факелы и телефон были у него с собой.

– Это мамин. Что ты задумала? – спросил он, укладывая велосипед в вереск.

Она потащила его под деревья парка и привела к колодцу, где старый клен мумифицировался в позе вечного ныряльщика. Энид достала моток веревки, спрятанный в куче опавших листьев, огляделась, прижала палец к губам и прошептала:

– Я спущусь в колодец.

– На веревке? Ты с ума сошла! Ты же в физкультуре ноль!

– Я не ноль. Месье Бертушо говорит, что я просто зажатая.

Зажатая – это же не значит ноль? Я буду держаться за ветки клена.

– Что тебе делать в этой дыре?

– Искать Свифта.

– Я спущусь с тобой.

– Ой нет.

– Зачем же ты меня вызвала?

– Чтобы поднять тревогу в случае чего. Ныряльщик никогда не ныряет один.

– И кого мне поднимать?

– Никого. Ничего еще не случилось, насколько я знаю. Какой номер твоего мобильного?

– Он не мой. Он мамин.

Энид закатила глаза: ффффф!

– Какой номер твоего-мамино-мобильника?

Он продиктовал ей номер. Она набрала его на втором телефоне, который достала из кармана. Телефон Гулливера зазвонил. Она велела ему ответить и больше не отключаться, это послужит им уоки-токи, пока она будет в колодце, а теперь оп-ля, живо. Энид привязала веревку к стволу соседнего бука. Гулливер заглянул за обвалившийся бортик. Дерево почти заткнуло колодец, в редких проемах виднелась лишь чернота.

– А если... – он поколебался, – если ты найдешь свою летучую мышь, а она окажется мертвой?

Лобик Энид нахмурился.

– Я ее похороню. Все предусмотрено.

И пока Энид, держась за веревку, протискивалась между густыми ветвями клена, Гулливер вспомнил, что ее родители не похоронены, их машина сгорела во время аварии, от них остались одни угольки. Под камнем с их именами на кладбище никого нет.

Он вздрогнул. Срывающимся голосом крикнул в телефон:

– Как ты?

– Хорошо! – ответил голосок Энид, далекий, подрагивающий, уже какой-то тонуший.

Поначалу Энид почти не пришлось цепляться за веревку – благодаря веткам, которые окружали ее и держали. Но вскоре их стало меньше и потемнело. Налетевший откуда-то сквозняк зашевелил ее волосы и полы кофты.

Она добралась до того, что было, очевидно, верхушкой дерева, и крепче ухватилась за веревку. Спустившись еще ниже, зажгла первый факел.

Факелы были практичные – легкие и одноразовые. Гулливер здорово их сделал, обмотав простые карандаши бумажными ленточками, пропитанными свечным воском и каким-то зеленоватым составом.

Пламя было яркое, пляшущее. Энид отметила, что до дна осталось всего несколько метров, а опрокинутая верхушка клена маячила далеко наверху.

– Это гениально – твой факел-мумия! – прокричала она в телефон.

– Я тебя вижу... еще... немножко, – проблеял в ответ Гулливер.

У нее болели руки, стенка стала гладкой, и ногам было трудно найти опору, а ветви закупоривали колодец сверху, и ее вдруг охватил непреодолимый страх.

Она остановилась и несколько раз глубоко вздохнула. Вставила египетский факел в щель, зажгла еще два и тоже

воткнула в щели.

Уф! Так-то лучше. Теперь были видны даже грязь, камни и ветки на дне. Ее взгляд остановился на полдороге, на отверстии в стенке.

Это была дыра размером с котелок. Страх Энид улетучился, вытесненный любопытством. Она соскользнула по веревке вниз.

– Что ты делаешь? – завопил мобильник.

При падении клена удар был так силен, что стенка колодца обвалилась до самого низа. На уровне дыры ветер задувал между уцелевшими глыбами. Опершись о камень, Энид попробовала одной рукой расширить дыру. Ветер швырнул ей в лицо пыль. Она зажмурилась, закашлялась и перестала копать.

Изо всех сил она уперлась ногой в шатающийся камень... Камень упал, и все рухнуло вокруг дыры. Неслыханной силы вихрь вырвался из нее, налетел на Энид и отбросил ее назад, погасив все факелы.

– Как ты? – проскрипел Гулливер.

– Я в темноте и не могу найти выключатель!

– Балда. Поднимайся!

Она поднялась в кромешной тьме на два метра.

Потерла ладони о шершавую стену, чтобы меньше скользили. Оказавшись вне досягаемости ветра, зажгла еще один факел.

Дыра стала огромным проемом, ведущим в подземную га-

лерею или в другой колодец. Она поколебалась. Залезть туда сейчас?

Ее ладони горели, руки и ноги ныли.

Она поднималась по веревке медленно, все время соскальзывая. Добравшись наконец до клена, едва успела ухватиться за ветки, чтобы не упасть на дно. Плечи отяжелели. Никогда она не была так счастлива видеть сломанный зуб Гулливера.

– Нашла свою летучую мышь?

Энид покачала головой и ничего не сказала. Свифт, наверно, спрятался в тоннеле – это лучшее убежище для нетопыря.

– Мы еще вернемся, – пообещала она. – Надо только лучше экипироваться.

В гостиной Беттина вне себя переворачивала диванные подушки.

– Час! – прорычала она. – Целый час я пытаюсь найти мой мобильник! Не видели его?

– У меня мамин, – простодушно ляпнул Гулливер.

Энид отвернулась, незаметно достала телефон из кармана и сунула его под кошачью корзинку.

Призрак на фоне кускуса, или Письмо незнакомца

В очаге кухни потрескивал огонь.

Не было только Гортензии, она пошла на день рождения одноклассницы. Базиль затеял готовить кускус, и дело затягивалось. Шарли выбилась из сил после битвы не на жизнь, а на смерть (но выигранной) с госпожой Бойлершей. Жене-вьева мазала бицепс эликсиром аббата Пердрижона от синяков (она получила удар ногой от своей партнерши по боксу, но все в доме поверили, что это шалости маленьких Десульеров). Энид измышляла тысячу и один способ отыскать летучую мышь в таинственном подземелье. А Беттина была не в духе.

Вдобавок поднималась буря, ветер крепчал с каждой секундой, дождь хлестал по стеклам с одной стороны, а с другой по ним стекали теплые ручейки пара, поднимавшегося от бульона для кускуса.

– Кончай ворчать, Беттина, бога ради, – простонала Шарли.

– У нее эти дела, – сказала Энид. – Каждый месяц одно и то же.

– Это даже не правда! У меня их нет! Врушка. И воровка

к тому же.

– Сама ты врушка! Откуда я знаю, как твой мобильник оказался под корзинкой Ингрид и Роберто?

– Это ты его туда засунула!

– Кстати, – прозвучал голос Женевьевы из кресла (специально передвинутого в кухню, чтобы наблюдать, как Базиль стряпает кускус), – кто прикончил последнюю пачку «Лулу» ультратонких и забыл купить новую?

Никто, конечно, не ответил.

– Я к тому спросила, чтобы больше не покупали модель с крылышками. Я не люблю с крылышками.

– Я тоже, – отозвалась Беттина. – Они липнут к волоскам, и больно отдирать.

Вспомнив о присутствии Базиля, она покосилась на него... Он с равнодушным видом аккуратно перемешивал мяту с кориандром. Беттина прыснула, Женевьева тоже, а Шарли улыбнулась.

– А что такое месячные? – сочла уместным поинтересоваться Энид.

– Окончание женского менструального цикла, – ответил доктор Базиль, любовно присыпая бульон щепоткой тмина. – Неоплодотворенная яйцеклетка и эндометриальный слой выводятся наружу.

– Это больно? – спросила Энид.

Базиль попробовал бульон, кускус, снова бульон и цокнул языком.

– Чаще всего нет. Этот бульон – просто амброзия... Но бывает.

– А дети?

– Что – дети?

– Как получаютя де...?

Шарли открыла было рот, чтобы оборвать ее. И именно в этот миг мощный порыв ветра сотряс дом и призрак запел свою серенаду.

Все разом замолчали. Пять запрокинутых лиц, десять настороженных ушей. Жалоба лилась из недр старого дома, на высокой ноте, горькая, трагическая.

OOOOoоооооооxxxxхоооооOOOO...

Шарли и Беттина вцепились в Базиля, Энид – в Женевьеву, Женевьева – в кошек.

– *Oh my God*, – всхлипнула Беттина, как тинейджер из фильма ужасов, но на сей раз на самом деле в ужасе.

В дверном проеме показалось бледное личико Коломбы: оторопь, испуг и расплетенная коса.

– Это?.. – начала она.

OOOOoоооооооxxxxхоооооOOOO...

Пение проникало в самое нутро, терзало сердце и желудок, упрашивало, умоляло, *почему оооо даааа почемууу та-кая бооооль?..*

Невыносимо.

Энид привиделась Гийеметта Обержонуа в пламени горящего балдахина. Она схватилась за живот... Неужели... это

звучат струны арфы?

Все оцепенели.

Первой опомнилась Беттина. Она кинулась к стереоустановке и вставила наугад первый попавшийся диск.

Музыка грянула как выстрел. Заглушив бурю, дождь, ветер и, главное, стоны и жалобы дома.

Они были застигнуты врасплох. Оглушены. Но с каким же облегчением все вздохнули! От бури остался лишь рокот подземной лавины. Что же до призрака... Он сделал то, что должен был: пффф – исчез!

Звучала только музыка к «Девушкам из Рошфора»¹⁰.

Эх, морячки-весельчаки!

С ними точно не слохнешь с тоски.

Из них не выйдет хороших мужей,

Зато любовников нет горячей.

Любовники ли, мужья иль друзья —

Одна с морячками беда:

Они далеко всегда...¹¹

Беттина закружилась в неистовом танце. Базиль отвлекся от кускуса, чтобы обнять Шарли.

Хочешь, убью тебя

¹⁰ «Девушки из Рошфора» – мюзикл Жака Деми на музыку Мишеля Леграна с Катрин Денев и ее сестрой Франсуазой Дорлеак в главных ролях (1967).

¹¹ Перевод Дмитрия Савосина.

Или сама умру любя?

Вскоре все уже прыгали, скакали, сучили ногами и распевали во все горло:

Все в тебе нравится мне —
Губы, руки, нос.
Будь ты еще и голубоглаз,
Я б умерла любя...

– Стоооп! Телефон!

Энид заткнула «Девушек» на полуслове. Базиль променял Шарли на котелок с бульоном. Беттина сняла трубку.

– Привет! Я не вовремя? Коломба здесь? Я нашел ее кольцо у себя в рюкзаке. Оно, наверно, упало туда в кафе...

Беттина повернулась к Коломбе:

– Кловис нашел твоё кольцо.

Энид, стоявшая рядом с Коломбой, увидела, как та захлопала ресницами, словно не верила своим ушам.

– Кловис? – повторила она. – Мое кольцо?

Она слегка порозовела, потом немного побледнела. Под звуки призрачной арфы Коломба показалась им еще более эфирной, чем обычно.

* * *

– Нет. Нельзя посылать ей это по электронной почте. Она

догадается, что оно от нас.

Беттина наклонилась.

– Чтобы она не догадалась, лучше всего написать ей на адрес ее родителей. Она заходит забирать почту в их отсутствие.

– А их адрес у тебя есть?

Беттина показала бумажный квадратик бирюзового цвета.

– Переписала из записной книжки Шарли.

Кловис поморщился. Беотэги молчала. Дениза пригубила розовый лимонад. Они сидели в «Ангеле Эртбиза», урок информатики отменили из-за гриппа («нервного срыва», перевели ученики) месье Экономидеса.

– Это глупая шутка, – сказал наконец Кловис, – и не смешная.

– И... злая, – осмелилась добавить Беотэги.

Беттина рассмеялась, помахивая бумажкой как веером.

– Вы слишком серьезны! Бросьте, это же просто шутка.

– Нет ничего серьезнее шутки, – сказал кто-то рядом. – У вас вид заговорщиков.

Это был Хуан с фисташковыми макаруни для Денизы. Беттина метнула на него взгляд. В кои-то веки он с ними заговорил! И вздумал читать нотации.

Он поставил тарелку с макаруни и поспешно отошел, всем видом давая понять, что не хочет мешать. Беттина посмотрела на друзей.

– Отлично. Я сама напишу это письмо.

– Ладно, ладно, хорошо. Я с тобой, – сказала Дениза. – А ты, Бео?

– Не знаю, – помолчав, вздохнула Беотэги.

Вернулся Хуан с молочным коктейлем для Кловиса. Он наклонился к столику.

– Кстати, – обратился он к Кловису, – ты не забыл ей вернуть?

Кловис залился краской. Девочки явно не знали, о чем идет речь, и Хуан им объяснил:

– Ваша подруга, та, что с длинной косой...

– Коломба, – сухо отрезала Беттина. – Она не наша подруга.

Хуан смотрел на стакан с молочным коктейлем, продолжая:

– Она забыла свое кольцо. Помните, в тот день, когда опрокинулся шоколад. Я нашел его в туалете на раковине. Надеялся, что она еще зайдет, – чтобы вернуть его ей. Но ее здесь больше не видели, и...

Три девочки уставились на Кловиса, тот молчал. Значит, Хуан передал кольцо Кловису. Но... почему же Кловис сказал, что нашел его в своем рюкзаке?

– Что-то не так? – поинтересовался Хуан, удивленный их молчанием.

Беттина подняла глаза. Никогда еще Хуан столько с ними не говорил. Хотя бы этим она была обязана «подруге с длинной косой». Хуан повернулся к ней. Но Беттина ничего не

различила в его глазах – только рыжеватую радужку и ничего относящегося к ней. Она улыбнулась. Хуан тоже улыбнулся, вежливо, как официант клиентке.

– *No problem*, – сказала она. – Коломба получила назад свое кольцо.

Какой же дурак этот Кловис. Соврал исключительно ради того, чтобы набить себе цену в глазах этой воображалы.

– Коломба. Так ее зовут? – спросил Хуан. – Редкое имя.

– И слава богу! – фыркнула Беттина.

Хуан протер тряпкой их столик между блюдами.

– Лимонаду? – предложил он. – Подарок от заведения.

Беттина поймала на себе его быстрый взгляд. И внезапно ее пронзила мысль. А что, если?..

Сердце подпрыгнуло в груди. Может быть, Хуан просто притворяется, что не замечает ее. Делает вид, будто несколько ею не интересуется. Да, делает вид... из робости. Вот, например, предложил им лимонад... Не ей ли на самом деле он его предложил?

Хуан отошел, но недалеко, всего на несколько шагов. Как будто хотел остаться поближе к ним. К ней. Да, ей не помешало бы. Он снова смотрел на нее. Он уже занимался другими клиентами, но его внимание, Беттина это чувствовала, было по-прежнему приковано к их столику.

Ее сердце билось часто, сильно. Чтобы скрыть смутившие ее мысли, она уткнулась в свою сумку, порылась в ней, достала листок бумаги и ручку.

– Я напишу это письмо.

– Если ты думаешь, что...

– Повторяю, это про-о-осто шутка!

Она писала и читала вслух:

Дорогая Коломба!

Ты меня, наверно, никогда не замечала. Но я влюбился в тебя с первого взгляда. Я буду в четверг вечером на Кленовой площади, под пятым кленом слева, со стороны сердца, на празднике Хеллоуина. Я буду одет Жюдексом-грабителем. А ты оденься роковой Ирмой Веп. И тогда я украду твое сердце. Потому что мое ты уже забрала.

Подпись...

– Как подписать? – спросила Беттина, подняв голову. – Я думаю, «Влюбленный всем сердцем».

– Уж если на то пошло! – буркнул Кловис.

– Ты это не пошлешь! – прошептала Дениза. – Это... свинство?

– Почему нет? Все равно уже написано.

– Перечитай.

Беттина перечитала письмо.

– Какие-то розовые слюни! – заметила Беотэги.

– Любовное письмо – всегда розовые слюни.

– Это ты придумала «мое ты уже забрала», «слева, со стороны сердца», всю эту ахинею?

– Нет, – призналась Беттина. – Это Базиль однажды напи-

сал Шарли письмо в таком духе.

– Какая мерзость! – с отвращением воскликнул Кловис.

– От любви и не так запоешь, – вздохнула Дениза.

– «Влюбленный всем сердцем» – это тоже Базиль?

– Нет. Женская страничка в «Пустьяхах».

– Ты правда прочла письмо Базиля, адресованное твоей сестре?

– Чего только не найдешь, когда сдаешь вещи в химчистку. Ну что? *Alea jacta est?*¹²

– Если ты так хочешь, – вздохнула Дениза.

– Я так хочу.

Взгляд Беттины стал мечтательным.

– Скорей бы увидеть физиономию этой ломаки в праздник на Кленовой площади, когда она придет на свидание и поймет, что Влюбленный всем сердцем – это мы!

* * *

Они встретились на углу улицы Видор; сгущались осенние сумерки в вихре бурых листьев. Они столкнулись лоб в лоб.

Беттина шла опустить письмо Влюбленного всем сердцем в почтовый ящик родителей Коломбы.

Женевьева отлично побоксировала с грушей.

После столкновения они посмотрели друг на друга – и

¹² Жребий брошен (лат.).

обе растерялись. Покраснели. К счастью, как мы уже сказали, стемнело, и это было незаметно. Беттина не хотела говорить, куда идет, Женевьева – откуда. Смущение одной скрыло смущение другой. И наоборот.

– Я иду за Шарли в лабораторию, – объяснила Беттина. – Ты поедешь с нами домой?

Женевьева поколебалась. Она была потная, от нее пахло усталостью и боем.

Рассказать все – насколько бы было проще. А врать Женевьева ненавидела больше всего на свете. Но она представляла себе, как захихикает Беттина, как раздраженно пожмет плечами Шарли, как напишет что-нибудь ехидное в своем дневнике Гортензия, – и ей становилось страшно. Да и в глубине души было даже приятно, что у нее есть тайна.

– Нет, – сказала она. – Езжайте без меня. Мне надо кое-что купить. Я доберусь на автобусе.

Беттина улизнула, вздохнув с облегчением, что не придется выносить Женевьеву, слишком для нее честную. А Женевьева была рада отделаться от любопытной сестры, не зная, что в этот вечер той совсем не до нее.

Когда Беттина пришла по адресу родителей Коломбы, мама вдруг оказалась в холле здания. Люси Верделен была в купальнике, в розовой панаме из джинсовой ткани и с рожком мороженого-пралине в руке, но Беттину она смерила строгим взглядом.

– Мама... Откуда ты взялась?

– Ты уверена в том, что делаешь? – спросила мама, не повышая голоса (она редко повышала голос).

Беттина опустила глаза на конверт от Влюбленного всем сердцем и замерла в нерешительности.

– Это необходимо? – раздался голос отца. – Ты не думаешь, что пожалеешь об этом?

Он появился у лифта. На нем был большой пластиковый фартук цвета хаки, тот, в котором он красил бойлерную.

– Это необходимо? – ласково повторил он. – В самом деле?

Беттина зажмурилась. Пусть они исчезнут! Скорее! Она открыла глаза. Она была совершенно одна.

– Да, – пробормотала она, – необходимо.

И опустила письмо в почтовый ящик.

* * *

Красавица еще раз мазнула клеем накладные бакенбарды Чудовища, и тому пришлось сделать над собой усилие, чтобы не почесаться.

– Ты мне очень нравишься, Чудовище, – проворковала Красавица.

– Да? – проворчало Чудовище. – И какая мне будет награда за такое надругательство?

– Подумаем, – пропела Красавица.

Энид вышла из своей комнаты, как раз когда Чудовище сорвало у Красавицы поцелуй, невзирая на маски, парики и макияж. Личико Энид выражало глубокое горе.

– У меня болит голова, – простонала она. – И живот.

Красавица мгновенно превратилась в Шарли и оттолкнула Чудовище (которое приподняло маску и стало Базилем). Она присела, встревоженно глядя на сестру.

– Живот? Ты опять ела всякую гадость? Ягодные леденцы? Мармелад на сорбите?

Энид потерла глаза.

– Мадам Лелё сказала, что в нашем классе эпидемия гастро-как-его-там.

– Вот как! – вздохнула Шарли.

Базиль осмотрел Энид, Шарли уложила ее в постель и решила померить ей температуру. Она заколотила в дверь ванной, где была аптечка. В ванной заперлись Беттина с подружками.

– Градусник! – крикнула им Шарли.

Через несколько секунд дверь приоткрылась. Высунулась рука с маленькой стеклянной трубочкой. Шарли взяла градусник, и дверь тотчас захлопнулась.

– Гастрит без температуры, – заключил Базиль после осмотра. – Ничего страшного. Но на праздник идти нельзя. Лекарства, бульон и, конечно, покой!

– Я останусь с ней, – решила Шарли. – Бог с ним, с праздником.

– Не надо, – сказала Гортензия, которая тоже зашла проводить Энид. – Я все равно собиралась остаться вечером здесь. Ты же знаешь, я не люблю толпу. Побуду сиделкой.

– Вы слышали Гортензию? – прокричала Шарли, когда и остальные столпились посмотреть на больную. – Она не выносит толпу!

Энид уложили и подоткнули одеяло. Все были готовы сесть в машину и отправиться в город, одетые непонятно кем (Беотэги представляла собой нечто среднее между Мэри Поппинс и Беглянкой из психушки) или кем-то определенным (Беттина была Вики Вейл из «Бэтмена»).

– Энид легла без звука, – удивилась Невеста Франкенштейна (Женевьева).

– Наверно, ей и правда плохо.

– Коломба! – вдруг воскликнул Базиль. – Чуть ее не забыли.

Беттина переглянулась с подругами. Забыть ее? Это вряд ли.

Коломба появилась наверху Макарони. Все замерли в изумлении.

На ней были колготки и черное боди Ирмы Веп, знаменитой вампириши из немого кино, подруги красавца Жюдекса, грабителя в шляпе и черном атласном плаще. Косу она заколола на затылке, чтобы лучше держалась маска, и походила на балерину.

Беттина вынуждена была признать, что костюм ей чертов-

ски идет и она, оказывается, прехорошенькая.

Мерзавка.

– Я надена пальто, – сказала Коломба, смущенно улыбувшись их удивленному молчанию. – Боюсь замерзнуть.

Базиль помог ей надеть пальто и подал свободную руку.

– Шесть девушек на одного парня! – галантно объявил он. – Настоящий праздник!

Беттина пихнула локтем Денизу и Беотэги: Коломба тайком прятала в карман конверт. Письмо от Влюбленного всем сердцем...

Когда затихли все звуки, кроме шороха моря и шелеста страниц книги, которую читала в соседней комнате Гортензия, Энид села в кровати и тихо сказала:

– Можешь выходить.

Потом встала и постучала в дверцу. И кошки с удивлением увидели, как открылся платяной шкаф и между вешалками показался красный, пыхтящий и кашляющий Гулливер Донифон.

– Ты слышал, как я разыграла больную? – прошептала Энид. – Я была гениальна.

– У меня были варежки в правом ухе, ракетка в левом и капюшон пальто на голове, – ответил он. – Только Люди Икс могли бы тебя услышать!

Секрет Гийеметты, или Любовь, тайна и печеное яблоко

В свете египетских факелов грязь на дне колодца казалась желтым супом. Может быть, испуганно подумала Энид, ее там больше 138 сантиметров (ее рост на последнем медосмотре в школе)? Если она упадет, то утонет, захлебнется и даже позвать на помощь не сможет.

– Я стою! – крикнул Гулливер снизу, с конца веревочной лестницы.

Какая замечательная идея эта веревочная лестница, жаль, не ей пришла в голову. Они качались на ступеньках, как на шлюпке океанского лайнера... и все это внутри колодца, под опрокинутым кленом!

– Осторожно, ветер.

Дыра в стенке стала шире, еще несколько камней обвалилось, и ледяной сквозняк вырывался из нее с ревом бурной реки. Факелы напротив дыры погасли. Кроме двух – тех, которые они воткнули в высокие банки из-под спаржи (идея Энид, и она ею гордилась). Их пламя, защищенное от ветра, горело ярко.

Они взяли еще и фонарик на батарейках. А факелов у Гулливера был полный рюкзак. Плюс анисовое печенье, кексы

с фруктами, пол-литровая бутылка воды, петарды, оставшиеся от 14 июля¹³, – на случай беды – и коробка пластырей.

Энид юркнула в дыру первой, держа свой факел-банку в вытянутой руке. Они были в начале длинного туннеля и другого его конца не видели. Не видели они и своих кроссовок, хлюпающих в желтом супе. Стены вокруг покрывали бархатистые грибы, и казалось, будто они могут вырасти за двадцать секунд, если им вдруг захочется.

– Свифт! – позвала Энид.

По стене вертикально пробежала крыса – клон Человека-паука, только мохнатый и не такой забавный. Камень бесшумно упал в желтый суп.

– Тсс, – прошипел Гулливер.

– Ты боишься?

– Мммм, чуть-чуть.

Они сделали то, чего не делали никогда с тех пор, как знали друг друга: взялись за руки. И пошли дальше, увязая ногами: *чмок, чмок, чмок...* Через каждые десять шагов они сверялись с компасом.

– Угадай, где мы, – вдруг сказала Энид.

– Где-то под землей, – ответил Гулливер.

– Под домом.

По мере того как они продвигались, ветер набирал силу и подавал голос. Даже зажечь спичку было теперь невозможно.

¹³ 14 июля – национальный праздник Франции, день взятия Бастилии в 1789 году.

Энид включила фонарик.

– Слушай! – выдохнул Гулливер.

Звук... совсем близко... Глухое завывание... музыкальное... до жути знакомое...

– Где мы сейчас?

– В утесе. Я думаю.

Потолок вдруг стал выше, галерея расширилась и превратилась в большую пещеру. То, что они увидели там, так их удивило, что они хором вскрикнули.

* * *

– Ад опустел сегодня вечером! – крикнул кто-то в толпе. – Все демоны здесь!

Скелеты, ведьмы, Дракула, Капитан Крюк, Стервелла, продавцы колбасок и прочие монстры бродили по улицам города.

Дениза, Беотэги и Беттина радостными криками приветствовали Кловиса, наткнувшись на него у химчистки. Он был с двумя приятелями, все одеты Гарри Поттерами, в круглых очках, со шрамами, совами и мантиями-невидимками (априори не действующими).

– У плащей поломка! – пошутила Дениза.

– Жаль, Кловис. Ты мог бы пошпионить за сам-знаешь-кем.

– Коломба не с вами?

– Мы милостиво позволили ей улизнуть. Догадайся почему...

Все засмеялись.

– Ничего, скоро мы с ней увидимся.

Они условились с Базилем, Шарли и Женеьевой встретиться через час на эспланаде, где будут запускать фейерверк.

Кловис отделался от своих друзей и, когда часы на колокольне показали без двадцати, направился вместе с Беотэги, Денизой и Беттиной к Кленовой площади, где Бал нечисти был в разгаре. Красавица отплясывала бешеный рок-н-ролл со своим Чудовищем.

– Повторим, – прошептала Беттина. – Спрячемся как можно ближе к клену номер пять.

– По левому борту. Со стороны сердца, – хихикнула Дениза.

– Когда сами-знаете-кто покажет свой нос...

– Помаринуем ее немного, а потом...

– Ваааа!!!

– Что – ваааа?

– Кидаемся на нее и кричим: «Ваааа! Влюбленный от всего сердца, влюбленный от всего перца!»

– Глупо, – сказала Беотэги.

– Ага, дебилно. Зато смешно, – возразила Беттина.

Они нашли укромные местечки, одно за закрытым газетным киоском, другое за кустом львиного зева. Разделились

по двое и стали ждать. Рок-н-ролл сменился вальсом. Красавица прильнула к Чудовищу.

– Они поженятся? – шепнула Беотэги, сидевшая в засаде за львиным зевом в паре с Беттиной.

– Кто?

– Красавица и Чудовище.

– Давно бы поженились... если бы Базиль был и вправду Чудовищем!

– Шарли его не любит?

– Думаю, любит.

– Они спят вместе?

– Уже сто лет. Сейчас он живет у нас и делает вид, будто ночует в папином кабинете, но все знают, что, как только погасят свет, он приходит к ней в комнату.

Беотэги потянула Беттину за рукав. Кловис и Дениза, сидевшие за киоском, тоже увидели...

Ирма Веп!

Ее фигурки почти не было видно под синим пальто, лицо скрывали капюшон и черная полумаска. Ирма Веп прислонилась к столбику, посмотрела на часы на колокольне и замерла в позе ожидания.

– Точно вовремя.

Они не двигались с места. Но не для того, чтобы «помариновать ее», как собирались. Они просто не знали толком, что надо сделать, как и когда. Кловис скорчил вопросительную мину львиному зеву. Выскочить? Закричать? Беттина пока-

чала головой. Не сейчас.

– Когда же? – прошептала Беотэги.

Никто не знал. Они вдруг почувствовали себя глупо. Задумались, не свалить ли по-быстрому. Но сказать это вслух никто не решился.

На танцах вальс опять сменился рок-н-роллом, Чудовище купило в буфете две бутылки «Перье», подало одну Красавице, и они снова пустились в пляс. Красавице было жарко, ее макияж растекся, и она стала похожа на Чудовище.

Снова взгляд на колокольню. Ирма Веп озиралась. Заговорщики в кустах и за киоском подобрались.

– Ну? – выговорил Кловис одними губами. – Пошли?

И вдруг... С другой стороны площади показался силуэт. Это был юноша в цилиндре и черном атласном плаще.

– Эй! – прошипела Дениза. – Ущипни меня.

Все четверо ошеломленно переглянулись.

– Жюдекс!

Каким сногшибательным чудом настоящий Жюдекс явился в их розыгрыш?

Они были так ошарашены, что забыли об осторожности. Подались вперед, пытаясь угадать лицо под маской – исполнителя роли.

Жюдекс приблизился к Ирме Веп. Его рот под маской расплылся в широкой улыбке.

– Черт! – тихо взвизгнула Беттина. – Кто этот тип?

– Влюбленный всем сердцем, – буркнул Кловис.

Вот этого никто не предусмотрел!

Жюдекс подошел ближе, и Ирма Веп улыбнулась ему. Когда он остановился перед ней, она подняла руку в черной перчатке и сняла маску. Показалось белое личико, коса упала на спину.

Выражение, озарившее в этот миг лицо Коломбы, никто никогда не смог бы описать, подумала Беттина. Это была вспышка, свет, брызнувший из ее глаз и из души, подумала Беотэги. Если счастье – искра, подумала Дениза, то лицо Коломбы стало фейерверком искр. Кловис же нашел, что никогда еще она не была такой красивой.

Они затаились в тени и молчали, сознавая, что происходит что-то непредвиденное, что-то непонятное, с чем им не совладать.

Жюдекс тоже улыбался, но маску не снимал. Он взял Коломбу под локоток и нашептывал ей что-то на ухо. Вот он показал рукой на припаркованный в двух метрах мопед.

– Он... он сейчас ее увезет!

– Не могут же они уехать и оставить нас вот так? – возмутилась Дениза.

Через долгое время (музыка на танцах успела смениться один раз, отметила про себя Беттина) Жюдекс снял наконец свою атласную шляпу и запустил пальцы в волосы. Они обменялись еще несколькими словами, которых не было слышно, потом Коломба подняла руки и сама медленно сняла с Жюдекса маску.

Наблюдателям у киоска и в кустах потребовались колоссальные усилия, чтобы не завопить. У Кловиса тихо вырвалось: «Блин!»

Этот парень без маски, который оседлал мопед и посадил позади себя Коломбу, парень, которого она обняла за талию, сияя счастьем, который преспокойно расстроил их гадкий розыгрыш и перевернул вверх дном все радости этого вечера, этот Жюдекс с красивыми темными глазами и мягкими волосами – это был Хуан.

– Блин, – повторил Кловис.

Мопед с двумя обнявшимися фигурами объехал площадь и едва не задел их, даже не заметив. Беттина только и успела увидеть две улыбки.

* * *

Пещера была просторная, с высоким потолком, что-то вроде крипты. Фонарик выхватил из тени две темные глыбы.

Гулливер и Энид не сразу поняли, куда попали. Потом они разглядели две могилы, вырубленные прямо в скале.

Дети стояли неподвижно, оцепенев от страха: страшна была темнота, страшно священное место, страшны мертвецы, появившиеся из потемок. Страшно это жалобное пение, которое шло ниоткуда и отовсюду. Да, его они и слышали, они даже были в самом его центре... Жуткое пение призрака!

OOOOooooooxxxxooooOOOO...

– Я боюсь, – прошептал Гулливер.

Напротив открывался другой туннель, более узкий, чем тот, из которого они вышли. Сквозняк там был еще яростнее и злее.

Энид прислушалась... Ветер, музыка, накатывающая волнами... с плеском волн... с воем ветра... Она подняла фонарик к потолку подземелья.

Свод подрагивал сотнями маленьких конусов, которые свисали, как виноградные гроздья. Одна гроздь внезапно отделилась от потолка и упала прямо на них. Гулливер отскочил. Энид почувствовала, как что-то теплое, трепещущее коснулось ее шеи.

И наконец-то, наконец она поняла.

– Свифт! Это Свифт!

Нетопырь весело кружил вокруг нее, словно приветствуя.

– Он меня узнал.

Что-то, то ли рыдание, то ли смех, трепетало в груди Энид. Это «что-то» оставалось безмолвным, не в силах вырваться. Летучая мышь поднималась все выше к своду в своем странном дрожащем полете и наконец растаяла среди гроздьев.

– Смотри.

Гулливер направил круг света фонарика на скалу. Они увидели нечто грандиозное, великолепное, высеченное в камне. И все стало ясно. Энид наконец поняла, кем был призрак.

Высотой почти в два метра, на скальном выступе стояла

арфа. Ее рама была вырезана в граните, но струны – настоящие, туго натянутые. Они вибрировали.

Ветер с нездешней силой вырывался из горловины туннеля, кружил по крипте, теребил струны, тряс их, терзал, оживлял тысячей своих пальцев и высвобождал пронзительное как стон *вibrato*.

– Море... Оно с другой стороны.

Они были в сердце утеса.

Гулливеру вспомнилась схема пищеварительного тракта, которую показывала мадемуазель Анс-Рим. Кусочек хлеба спускается потихоньку из желудка по кишкам, по всем их извилам. Два кусочка в чреве каменного монстра – вот кем они были.

– Его так сильно слышно. Этот туннель, наверно, выходит на утес над морем.

А в бурю-то – какой концерт! Какая симфония! Какое буйство! С каким аппетитом ветер «играет» тогда на арфе! Вот почему его слышно через стены старого дома, вот как он наполняет весь парк этой музыкой с моря!

– Как же вы никогда не слышали этого раньше? – спросил Гулливер.

– Клен. Он вышиб плиту в колодце, разбил стенку и освободил ветер. Вот откуда такой великанский сквозняк.

Страх вдруг улетучился, как будто тяжесть свалилась с плеч. Тихонько, по-прежнему держась за руки, они направились к могилам. На первой, под зарослями грибов, им уда-

лось прочесть:

Здесь покоится
ГИЙЕМЕТТА ОБЕРЖОНУА,
баронесса д'Эскиль.

Молитесь за ее душу, почившую в бозе в ночь на 23
октября 1870.

Пусть ее арфа услаждает ее слух в ином мире.
Гильдаз, возлюбленный супруг, оплакивает ее.

Второй была могила Гильдаза Обержонуа, который от горя пронзил себе сердце кинжалом.

Энид и Гулливер смотрели на два захоронения, а над их головами душа Гийеметты играла на арфе пальцами ветра. Энид подумала о своих умерших родителях, тоже сгоревших в перевернувшейся машине. И внезапно здесь, под землей, она расплакалась.

* * *

Хуан купил два пакетика жареных каштанов и протянул один Коломбе. Они вдвоем стояли на мосту через пересекавшую город реку. Показалось шествие монстров, они несли освещенные тыквы и пели: «В нашем крае, в нашем крае убивают, убивают...»

Не глядя на Хуана и старательно очищая каштан, Коломба решила заговорить первой:

– Можно сказать тебе две вещи?

Он ответил «Да, конечно», тоже взял каштан, подул на него – фффф, горячие, черти, – и кивнул: слушаю.

– Во-первых, твое письмо, – начала она. – Мне оно показалось стереотипным. Банальным. Влюбленный всем сердцем и весь этот вздор...

– Я не посылал тебе письма...

– Ты мне не писал?

– Не-а, – ответил Хуан с полным ртом. – Уау! 'о'ячо!

– Ты не назначал мне свидания на площади: ты в костюме Жюдекса, я – Ирмы Веп?

– Ничего подобного. Но Ирма Веп тебе суперски идет.

Она подула на свой очищенный каштан, наморщила нос.

Вся подобралась.

– Объясни мне. Это заговор?

Он улыбнулся.

И ей очень захотелось его поцеловать.

– Самый настоящий заговор. С заговорщиками. Но благодаря ему мы снова увиделись.

– Ты разыграл меня вместе с остальными?

– Скорее против них.

Хуан увидел, что она чуть не плачет.

– Я не имею с ними ничего общего, – поспешил он добавить.

И рассказал ей все. Как он подслушал заговорщиков в «Ангеле Эртбиза», обслуживая соседний столик. Как его это возмутило. Как он решил расстроить их интригу, выступив

в роли Жюдекса.

Коломба слушала его. Сначала – очень внимательно. Потом – все рассеянное. Слишком пристально она всматривалась в его глаза, слишком ласково ублаживал ее его голос. Когда он закончил, она улыбнулась.

– Ты хотел дать им урок?

– Не мне давать уроки. Скажем так, я тоже люблю розыгрыши.

Он протянул ей очищенный каштан. Она взяла его.

– Осто'ожно! 'о'ячо! – предупредил он, сам себе подражая, как будто жевал горячий каштан.

Она надкусила каштан. Очень вкусно.

– Значит, ты просто хотел посмеяться?

– Посмеяться с тобой. Когда смеешься вместе с кем-то, это уже значит... очень много.

Она доела каштан и продолжала:

– Знаешь, мое кольцо... Я нарочно оставила его на раковине.

Жареная скорлупка выпала из пальцев Хуана. Светящиеся тыквы шагали по мосту и пели: «У Энди Харди две головы, одна на плечах, другая под мышкой...»

– В смысле – нарочно?

– Ммм.

Он покраснел. Так же густо, как и она.

– Посторонись, Мэндрейк! – окликнул его зеленый монстр из шествия.

– Я хотела, чтобы мы снова увиделись, – сказала она.

– Я тебя ждал. Почему ты так и не зашла его забрать?

– Вы мешаете пройти, не видите, что ли? – крикнул им фиолетовый монстр и толкнул их друг на друга.

– Я приходила. В первый раз ты принимал круассаны. Во второй я не стала тебе мешать, ты был занят с группой туристов.

– Идемте с нами! – пригласил их крошечный розовый монстр. – Мы будем жечь Лоика-сенокосца.

– У нас нет спичек, – ответил ему Хуан.

– И мы не знаем ваших песен, – добавила Коломба.

– И подходящих расцветок у нас нет, – закончил Хуан, показывая на их черные одеяния.

Розовый монстрик показал язык и убежал.

Каштанов им больше не хотелось.

– Я отвезу тебя, – сказал Хуан.

Два монстра, синий и желтый, замыкали шествие, еле волоча ноги. Хуан отдал свой пакетик с каштанами желтому монстру, Коломба свой – синему. Оба монстра приободрились и быстро нагнали шествие, распевая: «У Энди Харди десять пальцев, но они там, где им не место...»

Хуан достал два шлема из-под сиденья мопеда, убрал на их место свой цилиндр. Он дал шлем Коломбе и надел свой, пока она усаживалась.

Тут грянул фейерверк, залив все Ниагарой грохота и света. Монстры из шествия то и дело меняли цвета.

Быстро, очень быстро, бросая слова, как тяжелые мешки, Коломба затараторила:

– Осталось три дня. Всего три. Мои каникулы кончаются. – Помедлила, поморщилась: – Я в зоне С.

«У Энди Харди нет больше глаз, зато есть три руки, ха-ха-ха...»

– Завтра, – сказал Хуан, – День всех святых. Мы с дядей пойдем в лес собирать шишки. Пойдешь с нами?

Три дня. Не надо думать, как это мало. Лучше думать, что завтра будет только первый. И что это будет чудесно. Просто совершенно чудесно.

– Скажи «да».

Он сел на мопед, но тронулся не сразу. Темное небо над ними взрывалось кометами, радугами, вулканами.

Она обхватила его руками. Уткнулась щекой в его спину и крепко прижалась.

– Да, – прошептала она, закрыв глаза.

Не читается от мыслей, или Мои мысли читаются

Вот что было самое ужасное, что наполняло ее яростью, гневом, стыдом: она ведь и вправду поверила, что Хуан ею заинтересовался. Ей хотелось завопить во всю силу легких, во всю силу сердца, но она только и могла, что кусать подушку и глотать слезы.

Беттина отлично поняла предательство Хуана. Предательство. Как он мог принять сторону этой ломаки? Как мог проявить к ней интерес? Как? Это не укладывалось у нее в голове.

В горле пискнуло, ноздри наполнились слезами. Беттина захлебывалась, как утопающая. Ей казалось – и это было больно и обидно, – что в ее сердце натыкали гвоздей.

Она села на кровати, тяжело дыша, засунув в рот уголок простыни. В темной комнате возникла Коломба, ее личико цвета свежих сливок, коса, спокойный взгляд... Беттина открыла глаза, их щипало от слез.

Было темно, и Коломбы здесь, разумеется, не было. Она рядом, в гостевой спальне... От яростного всхлипа у нее перехватило дыхание.

Беттина встала. Пол был ледяной. Она лихорадочно поры-

лась в комод и нашла то, что искала. Большие острые ножицы.

Дверь открылась, не скрипнув петлями, и, точно призрак, Беттина вошла в гостевую спальню.

* * *

Энид на другом конце коридора тоже не спала. Но ее, в отличие от Беттины, не обуревали мрачные мысли.

Уютно свернувшись в постели, прижимая Роберто к одному боку, Ингрид к другому, девочка прислушивалась. Поднимался ветер. Станет ли он достаточно сильным, чтобы вибрации струн проникли сквозь стены из подzemелья?

Она услышала. Но не сразу. Среди ночи, когда ветер разбудил ее в самом конце интересного сна. Энид открыла один глаз, но не шелохнулась. Ей больше не было страшно. Даже приятно слушать эту странную мелодию. И думать, что она единственная в доме знает, откуда эта музыка взялась.

Кто-то приоткрыл дверь. Она тут же зажмурилась. Ингрид и Роберто тоже.

Энид узнала голоса Шарли и Базиля. Они шептались:

- Вот видишь, она не боится: спит как сурок.
- А ведь этот дурацкий призрак так расшумелся!
- Надеюсь, ты не веришь в него всерьез?
- В кого?
- В призрака.

– Нет.

Шарли чуть помедлила с ответом. Энид едва дышала. Шарли продолжала еще тише:

– Вот и застучали. Я так и думала, что эти два блохастых спят с ней.

– Я знаю еще двоих, которые спят не на своем месте...

– Про тебя-то все знают.

– Но мы не подаем виду.

– Тсс, разбудишь ее.

– По-моему, она притворяется.

Энид зажмурилась крепче. Ей очень хотелось шевельнуться, повернуться, чихнуть, заговорить, засмеяться...

– Хоть бы он прекратил свое свинство.

– Кто?

– Призрак.

Дверь бесшумно закрылась, и они ушли. Энид открыла глаза. Она чувствовала себя в ладу с музыкой, в ладу со всеми призраками на этом и на том свете. Секрет Гийеметты стал ее секретом. С помощью арфы она говорила с людьми. Энид погладила Ингрид и Роберто.

– Большой секрет. Скажите «Клянусь».

Те поклялись. То есть заурчали от скуки. Но Энид успокоилась. Она отыскала Свифта и открыла тайну призрака.

Когда встречаешься с Вечностью в девять с половиной лет, больше ничего не страшно.

Солнечный лучик лег на край одеяла, как будто хотел там отдохнуть. Но скоро он сдвинулся с места, выстучал *азер-тициоп* на клавиатуре компьютера, повернул, *ксдфгхжлм*, и упал, бам, прямо на глаз Беттины.

Одну секунду Беттина чувствовала себя как всегда по утрам – в общем, обычной девочкой, не сильно страшной, без проблем, ей не в чем было себя упрекнуть, разве что в оценке 4 из 20 по биологии и в том, что ей еще далеко до Рене Зелвегер, короче говоря, она была счастлива, насколько можно быть счастливой в тринадцать с половиной лет.

Но уже в следующую секунду к горлу подкатила тошнота. Голова раскалывалась от боли, и гвозди в сердце никуда не делись. Нет, теперь они были другими. Уже не от ярости и не от гнева. Скорее от омерзения и стыда. И от чувства вины. Ужасный вопрос встал перед ней.

Как сегодня встретиться глазами со всеми?

Она спрятала лицо в подушку и попыталась снова уснуть.

– Ты должна встать, – сказал голос отца.

– Ты должна встать, – подхватил голос мамы.

Они были в костюмах для верховой езды, со следами травы на сапогах. И явно куда-то спешили.

– Вставай. Рано или поздно тебе придется выйти.

Мама погладила ее по щеке:

– Мужайся. Ты знаешь, что должна сделать. Мы тебя любим.

Беттина снова уткнулась в подушку.

Через две минуты в дверь постучали. Сердце забилось как безумное.

– Беттина? – позвала Женевьева. – Десять часов!

– Ммм.

– С тобой все хорошо?

– Ммм.

Зазвучал голосок Энид:

– Ты проснулась?

– Ммм.

– Мы оставили тебе сливок от Сидони!

Беттина заткнула уши. Что не помешало ей услышать стук Шарли.

– Эй, там, подъем! Ты меня слышишь?

Шарли толкнула дверь, ворвалась в комнату и раздернула занавески, твердя, что десять часов утра – вполне достаточно для...

– Ладно, ладно, ладно, – пробурчала Беттина. – Сейчас спущусь.

– Только не мой каждый волосок по отдельности, нам еще нужна ванная!

Почему она так сказала?

Нет, наверно, случайно. Беттина не стала занимать ванную на три часа, однако умывалась не торопясь. В какой-то

момент Гортензия крикнула ей через дверь:

– Продолжай, уже скоро обед!

Вот теперь **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** пора было спуститься. Отступить некуда.

Беттина собрала свое мужество в кулак и понесла его как могла. Ей непременно надо было спуститься с ним вместе. Не без труда: оно хотело вырваться, убежать, оставить ее выкручиваться одну. Ему тоже было стыдно. Но все же они добрались до кухни вдвоем.

Там разбирались с посудой после завтрака. Шарли и Гортензия мыли, Базиль, Женестьева и Коломба вытирали и расставляли. В общем, отличный День всех святых.

Беттина взглянула на Коломбу. Та уже смотрела на нее с этим ее загадочным выражением лица.

– Ты тоже удивилась, да? – воскликнула Энид.

– Мы находим, что ей это суперски идет, – подхватила Шарли. – Правда, мы все считаем, что Коломба так очень красивая?

– Все, – подтвердил Базиль. – Мужской взгляд особенно ценен...

– Самое невероятное, что она остригла их сама, без посторонней помощи. Здорово, правда?

Коломба запустила пятерню в свои короткие волосы, на голове остались бороздки. Как от вилки в пюре, отметила про себя Беттина.

– Так получилось, – объяснила она. – Я видела сон, будто

мне отрезали косу. И утром я... закончила дело.

– Скажи ей, Беттина, что она просто прелесть.

Беттина выпила стакан воды. Вода оказалась ужасно горькой. А Коломба по-прежнему была непоправимо хороша.

– Ей очень идет, – сказала она тихо.

– Для нашей Беттины «очень идет» – это суперкомплимент... Коломба, ты можешь понимать его как «божественно»!

Невидимая улыбка Коломбы распалила гнев Беттины. Ох как она ее ненавидела! Ненавидела ее спокойные ласковые глаза и ее добренькую ложь! Пусть бы лучше наябедничала! Пусть бы сказала: «Это она! Это Беттина отрезала мне косу ножницами ночью, когда я спала! Беттина ревнует! Она завидует!»

Но нет. Она *милосердно* солгала. Беттине хотелось уку-
сать ее за это.

«Она ждет от меня извинений, – подумала Беттина, злобно размешивая хлопья в йогурте. – Умрет – не дождетя!»

– Ты хочешь взбить йогурт в пену? – засмеялась Гортензия.

Беттина отложила ложку.

– Мне надо уйти, – вдруг сказала Коломба (и порозовела). – Я... Друзья предложили мне погулять с ними в лесу, на весь день.

Беттина снова посмотрела на нее. И подумала: «У нее слишком счастливый вид, чтобы я перед ней извинялась!»

Вместо этого Беттина достала из кармана отрезанную косу и положила ее на стол перед Коломбой.

– Это был не сон, – сказала она. – Тебе отрезали патлы сегодня ночью.

Коломба посмотрела на косу, погладила ее кончиком пальца. Потом приподняла, точно мертвую змею, и преспокойно выбросила в зеленое мусорное ведро.

– Это помогло мне почувствовать себя другой, – тихо сказала она. – Но я не буду тебя благодарить, а то ты разозлишься.

* * *

Впервые после смерти родителей Энид миновала четвертую дверь на втором этаже не бегом. Она даже чуть было не зашла.

Но нет. Это в другой раз.

Солнечным утром Дня всех святых пять сестер пошли украсить вереском пустые могилы Люси и Фреда Верделен.

После обеда позвонил месье Бельмонбиш. У него выдался свободный час, свободный трактор, свободный сотрудник – короче, все офигительно свободны, можно приехать и убрать клен из колодца?

– Сподобился наконец! – вздохнула Шарли, вешая трубку.

У Энид сильно забилося сердце. Вдруг месье Бельмонбиш заметит под кленом дыру? Туннель? Сквозняк? Что он тогда

сделает? Неужели ее секрет будет раскрыт?

Дыру он, разумеется, заметил. Однако ничего не сделал. Филипп Бельмонбиш был профессионалом. Но профессионалом пе-ре-гру-жен-ным. И он знал, что Верделены на мели.

– Заделать эту штуку? Монтаж и демонтаж. Леса. Спуск. Работа. Это вам обойдется...

И произнес одну из цифр-стимуляторов, так хорошо ему известных.

– Нет, – твердо сказала Шарли. – Это слишком дорого.

Месье Бельмонбиша это устроило. Бури шли чередой, и дел у него было по горло и выше.

– Ладно, – заключил он, – заделаем крышку. Цементом. Недорого. Замажем. И все шито-крыто.

Его жевательная резинка была сегодня розовой и кочевала с зуба на зуб, между *e* и *и*.

Клен вытащили, подняли в кузов, крышку колодца починили, уложили на бортик. Месье Бельмонбиша с коллегой горячо поблагодарили. Энид с облегчением смотрела вслед грузовику, удалявшемуся в Тупике.

После обеда она позвонила Гулливеру, который как раз пришел с волейбола.

– Заделали колодец? Как же теперь выберется твоя летучая мышь?

– Балда Через утес. Из туннеля, который выходит к морю. Здорово?

– Ммм.

– Пойдем посмотреть с пляжа?

– Ммм.

– Ну?

– Ммм?

– Большой секрет, ладно?

– Большой-пребольшой.

– Увидим, где она влетает и вылетает.

– Хорошо, – согласился Гулливер с умеренным энтузиазмом. – Как ее, кстати, зовут, твою летучую мышь?

В прихожую вбежала встрепанная Гортензия. Энид быстро повесила трубку.

– Тревооооога! – кричала Гортензия.

Больше ничего не надо было говорить. В Виль-Эрве крик «Тревооооога!» всегда предшествовал появлению тети Лукреции.

Ее «твинго» въехал в ворота и затормозил у заднего крыльца, со стороны кухни. Шарли поспешно повязала клеенчатый фартук, чтобы скрыть дырки на футболке. Беттина кухонным полотенцем стерла с губ помаду. Энид выгнала из дома Ингрид и Роберто – из-за жестокой тетиной аллергии и несовместимости их с Делмером, ее свамп-терьером. Гортензия и Женевьева не сделали ничего, только попытались выглядеть нормально, отчего стали выглядеть подозрительно. Базиль же приготовил свою самую целебную улыбку.

Когда тетя Лукреция вошла, в костюме из каталога «Та-

мар», с самой раздраженной миной и пускавшим слюни Делмером, они поняли, что этот день, как всегда, будет пожертвован ее жалобам.

– Какая утомительная дорога! – пропыхтела тетя, опустившись на диван и едва не придавив Делмера.

Именно в эту минуту Ингрид тайком прошмыгнула в дом, а следом за ней и Роберто. Они как раз обсуждали, какой дорогой пробраться наверх, чтобы избежать встречи с Делмером, но пес учуял их и залаял так, что у всех заболели уши.

Он перепрыгнул через тетушку, та взвизгнула. И пока он гнался за ненавистными кошками на второй этаж, тетя Лукреция заваливалась на софу на грани обморока.

– Скорее, мою сумку! – простонала она. – Мой арманьяк! Мой старый арманьяк...

Беттина вскочила на ноги и завертела головой во все стороны, как будто искала кого-то.

– Старый маньяк? – повторила она. – Где тут старый маньяк?

Гортензия Зима

Гортензия★

1

Дед Мороз на «Формуле-1»

Из дневника Гортензии

Среда, ноябрь

Я так хотела быть единственной дочерью. А потом вдруг поняла, какой это был бы ужас: я осталась бы круглой сиротой после смерти мамы и папы. От этой мысли меня бьет дрожь.

И все-таки трудно быть одной из пяти, одной из множества. Иногда я это с трудом выношу. Например сегодня утром, за завтраком, когда Беттина...

Утром за завтраком Беттина воскликнула:

– Знаете что?

Энид, Гортензия и Шарли молча ждали. Беттина сама даст ответ через десять секунд. К чему утруждать? Одна только Женевьева ответила:

– Ты сейчас нам скажешь.

Такая уж была Женевьева. К ней обращались, она отвечала.

– Через семь с половиной недель Рождество.

– Ну и? – отозвалась Шарли, собирая в стопку грязные миски.

– Ну и подарки.

Гортензия подцепила пальцем крошку, которую Энид не успела смести в совок, и, сунув ее в рот, возразила:

– Рановато. В магазинах еще даже не оформили витрины.

– В «Объединенных галереях» оформили. И декабрьский номер «Пустяков» уже вышел.

– А! Ну да, – пробормотала Шарли, – если уж вышел декабрьский номер «Пустяков»!

– Семь с половиной недель – это долго, – не сдавалась Гортензия.

– Не так уж.

– У Деда Мороза есть семимильные сапоги, – вставила Энид.

– Скорее олени «Формулы-1», – возразила Беттина.

Гортензия подняла бровь. У нее это было предвестником начала мысленного перегрева.

– Найди другой предлог, чтобы побегать по магазинам, – сказала она Беттине. – Не рассчитывай на меня, я с тобой не пойду.

Беттина обожала ходить по магазинам с эскортом. Эскорт этот должен был помалкивать, кивать, когда Беттина ахала: «Обалденные бигуди для ресниц, а?», при случае носить за ней самые большие пакеты, а вечером снова кивать, когда она спрашивала: «Классный был денек, а?»

Гортензия подняла вторую бровь. Знак, что она вот-вот вспылит.

– Гортензия права, – сказала Женевьева. – Время еще есть.

Беттина возмутилась:

– С этими дурацкими проволочками окажется, что уже двадцать четвертое, а мы забыли, что двадцать четвертое...

– Мадам Брогден! – просияла Шарли. – Я же знала, что забыла одну вещь!

– Мадам Брогден придет на Рождество?

– Нет...

Шарли посмотрела на часы: оставалось всего сорок минут. Она порылась в коробке с ключами (коробке из-под печенья) с нарисованным на ней фиолетовым Пиноккио, одновременно тараторя:

– Она пригласила в свой дом друзей, у которых дочка была очень больна. Ее привезут сюда выздоравливать с сиделкой. Дочку, не мадам Брогден. Понятно? Держи, Женевьева. Ключи. Проветришь и протопишь перед их приездом?

Месье и мадам Брогден были парижане, хозяйева дома номер 6 в Атлантическом тупике. Они проводили там лето, а на остальное время оставляли Верделенам ключи.

Шарли надела куртку на меху, подаренную родителями зимой после ее выпускных экзаменов (пять лет назад), потертую на локтях и карманах, с почерневшими швами, помахала пальчиками, бросила сестрам «До вечера», чмокнула

всех по кругу и выбежала за дверь.

Через минуту просунулась ее голова:

– Сегодня утром – доставка из «Нанук-Айс». Нужен дежурный. Не уходите все одновременно.

И она скрылась.

Как только машина выехала из заросших мхом ворот, Беттина налила себе еще чашку чая и намазала джемом сухарик. Нагнувшись, она извлекла из-под поленницы декабрьский номер «Пустьяков».

– Как можно читать такую чушь? – спросила Гортензия.

Не презрительно, не высокомерно. Только с огромным сочувствием.

– Правда, как? – согласилась Беттина с опасной ноткой в голосе.

И начала вслух читать содержание:

– Страница двадцать два: «Как влюбить его в себя до смерти?» В самом деле, это НЕ МОЖЕТ касаться тебя, Гортензия! Зато, смотри, вот этот образец шампуня для жирных волос тебя очень даже касается, дарю. Страница шестьдесят шесть: «Манекенщица, почему не ты?»

Гмммм, нет, правда не ты, Гортензия... Страница сорок семь: «Как стать серийной чаровницей?» Если хочешь знать ответ, я дам тебе почитать эту чушь, – сладким голосом заключила Беттина.

Гортензия залилась краской и была готова взорваться. Женеваева тихонько цокнула языком.

Тем временем Энид ломала голову, пойти ли после обеда с Гулливером в бассейн или на ферму к Сидони, где у Зазы родились котята. Может быть, сначала в бассейн с Гулливером, а потом?.. От этих мыслей ее отвлекли крики и звон посуды.

– Дура! – вопила Гортензия. – Ослица! Прекрати меня унижать!

Ингрид и Роберто с укоризненным видом покинули уголок у камина. Беттина продолжала читать, по-прежнему сияя улыбкой:

– «Что ты надеваешь на ночь? А: Старенькую футболку. В: Красивую шелковую сорочку. С: Твои любимые духи...»

– Замолчи! – выкрикнула Гортензия и разрыдалась.

Женевьева обняла Гортензию.

– Ты же видишь, она нарочно тебя дразнит. Замолчи, Беттина.

– Замолчи, Беттина, – повторила Энид.

– «Ты регулярно заводишь новых друзей? – невозмутимо продолжала Беттина. – А: Да, тебе комфортно в любом обществе, и ты любишь знакомиться с новыми людьми. В: У тебя и так много друзей, и...»

Пакет с сухариками полетел прямо в щеку Беттины и с треском лопнул. Беттина вытаращила глаза. Гортензия повернулась и убежала вон. Наступила тишина.

– Никакого чувства юмора у этой зануды, – сказала Беттина, потирая щеку.

– А у тебя никакого такта, – отозвалась Женевьева, поднимая пакет.

С улицы раздался гудок. Энид кинулась к окну.

– «Нанук-Айс»!

Она открыла дверь доставщику, мальчугану лет пятнадцати-шестнадцати.

– Привет! – поздоровался он. – Доставка Страшилы из Страны Льдов.

Он издевался сам над собой? В таком случае, пожалуй, он был прав. На первый взгляд трудно было найти в нем иные достоинства, кроме широкой улыбки и красивых светлых волос, потому что все остальное отличалось редким безобразием. Беттина, самая критически настроенная, сразу отметила эти светлые волосы, ровные зубы, но также и большие уши, длинный нос, подбородок галошей и россыпь черных точек на носу и на лбу.

– Пять коробок. Поставить у морозильника?

– Пожалуйста, – сказала Женевьева. – Сюда.

Страшила из Страны Льдов отправился к грузовику с логотипом «Нанук», где шофер читал газету, и вернулся с двумя коробками. Он был так лопоух, что в профиль казалось, будто ушей у него нет вовсе. Он наклонился над Беттиной, снова уткнувшейся в «Пустяки».

– Все врут эти тесты, – сказал он. – Вот моей сестре советуют больше бывать на людях, быть не такой зажатой... А знаешь что? Вики ходит на дискотеки каждый вечер. Она

пропустит танцульку, только если талибы будут в Брив-ла-Гайярд.

– Сколько ей лет? – спросила Женевьева.

– Двадцать.

Женевьева промолчала, задумавшись. Шарли был 21 год, когда погибли их родители. Ей так рано пришлось взять на себя заботу о младших сестрах, что она забыла о беззаботности, поставила крест на занятиях медициной и лишилась доброй части своей юности. Всего этого было уже не наверстать.

Беттина тоже задумалась, но по другой причине. Этот Страшила из Страны Льдов походил на Спуки, некрасивого симпатягу из американского сериала «Купер Лейн», да и на всех некрасивых симпатяг из всех американских сериалов для подростков, тех, что никогда не находят себе подружку, разве что такую же симпатягу-страхолюдинку.

Паренек отправился за остальными коробками в грузовик «Нанук».

– Он смешной, – сказала Энид.

– Очень славный, – добавила Женевьева.

– Так обычно говорят о некрасивых, – заключила Беттина.

Он вновь появился со счетом в руках. Его глаза снова устремились на Беттину, та отвернулась. Ну и нахал. С его-то рожей. Она едва удержалась от презрительного смешка.

– Меня зовут Мерлин, – сказал он.

Пошарив под стулом, он извлек на свет упаковку заморо-

женной маракуйи.

Каков наглец! Что за манеры! Меня зовут Мурлин (нет, Мерлин), как будто обращается к ней одной! Как этот... этот Спуди посмел даже подумать, что она может, она, решительно неотразимая Беттина, хоть на секунду обратить на него внимание? Как-он-по-смел!!

– Мерлин! – воскликнула Женевьева. – Так ты умеешь колдовать? Тогда ты Чародей, а вовсе не Страшила!

Он улыбнулся. Улыбка была в нем всего удивительнее. И приходилось признать, что это самая славная улыбка на свете.

– Держи, – Женевьева протянула ему чаевые. – Вся мелочь, какая у меня есть.

Он выхватил матерчатую розу из коробки замороженных артишоков.

– Отлично! – воскликнул он, широко взмахнув руками, как фокусник. – Несколько уроков магии, и я превращу эти монетки в банкноты.

И он покинул их, помахивая рукавами на манер Гудини.

– Шутник, – сказала Энид.

– Да, – кивнула Женевьева.

– Что не делает его красивее, – заключила Беттина.

– А тебя – любезнее, – миролюбиво отозвалась Женевьева.

Из дневника Гортензии

Суббота

В сущности, Беттина так меня раздражает, потому что я завидую многому в ней, чего у меня нет. И никогда не будет. Например, ее невыносимо легкой манере говорить: «Если ты не идешь к Беттине, не надейся, что Беттина придет к тебе!»

Она не самая хорошенькая из нас. Самая красивая (после Шарли, конечно) Женевьева (но она этого не знает, и в этом ее прелесть). Нет, у Беттины живая мордашка, блестящие глаза. Она напоминает что-то острое, колючее, мерцающее. Иглу. Кинжал. Чеканная, манящая, но – берегись!

Она умеет быть милой... когда не прикидывается злокой.

Так вот, самая красивая – Женевьева. Она очень женственная, единственная блондинка в семье (за исключением мамы, но это уже не считается). И грудь у нее красивая, она ее прячет, но я увидела на днях, когда она распахнула халат перед душем. Глаза у нее черные, как черное солнце из стихотворения Жерара де Нерваля, которое мы учили в прошлом году, «El Desdichado»¹⁴. Это очень красиво – светлые волосы и темные глаза.

¹⁴ El Desdichado (исп.) – Несчастный, или Обездоленный, или Лишенный наследства.

Но на самом деле Desdichada – это я. Лишенная наследства. Обездоленная. Я не знаю, на кого я похожа.

Не на маму, она была веселой. Ее круглые пяточки в туфельках без каблучков. Ее брюки в слишком крупных цветах. Ее кудряшки, ее широкие платья. Лучшие сказать: я не знаю, на что я похожа. Ни на что, я ни на что не похожа.

Не на папу. Папа спрашивал, почему не строят городов на берегу моря, там ведь воздух чище. Папа так любил людей.

А я людей не особо люблю. Вообще-то смотря каких. Не будь Беттина моей сестрой, я бы и не взглянула в ее сторону, она была бы мне не более интересна, чем эти тупицы из моего класса. Пример наобум – Урсула Мурлетатье. Дура из дур. Беттина – прости меня, Беттина, – тоже дура.

Вот только проблема: она моя сестра.

Я пишу на МОЕМ утесе.

Ветер на утесе был не сильный, но очень холодный. Гортензия обмотала вокруг шеи конец своего сине-розово-зеленого шарфа. Ей даже нравилось, как ветер охлаждал щеки, пощипывал кожу и вышибал слезы. Она постучала карандашом по зубам, всматриваясь в горизонт.

Она еще увидит, подумалось ей. Когда я вырасту большая, стану знаменитой и все будут мной восхищаться, Беттина поймет.

Что поймет?

Гортензия колебалась между четырьмя путями в буду-

щем: она станет архитектором и будет строить памятники на века. Зулейхой Лестер в сериале «Купер Лейн» по телевизору. Хирургом для неизлечимо больных, которых она одна сможет спасти.

Или актрисой. Да, эта профессия ей нравилась больше всех. Она убрала карандаш и тетрадь в карман пальто.

Гортензия находилась на выступе, за которым образовалась ниша в скале. Когда она сидела так, прислонившись к камням, никто не мог ее увидеть. Кроме чаек, тупиков и бакланов, пролетающих мимо. Их крылья были как якоря, лапы – как морские гребешки.

Актриса. От ветра с океана по щекам текли слезы, завивались коротко стриженные волосы. Вдали был виден маяк Потрон-Суфлан на фоне темных туч. Она натянула вязаную шапочку поглубже на уши. Глубоко вдохнула и продекламировала с выступа над волнами:

Будь Сидом; этот звук да рушит все преграды,
Да будет он грозой Толедо и Гранады...¹⁵

Позади кто-то захлопал в ладоши.

И засмеялся.

Гортензия гневно обернулась, готовая растерзать Беттину, которая посмела прийти за ней аж сюда, чтобы опять издеваться...

¹⁵ Пьер Корнель. «Сид». Действие 4. Перевод М. Лозинского.

Это была не Беттина. И ни одна из сестер. Стоявшая перед ней девочка была ей незнакома.

– Привет! – сказала девочка. – Продолжай, здорово.

Несмотря на смешинки в глазах, говорила она, похоже, искренне.

Она объяснила:

– Я смеюсь, потому что очень уж забавно, гм, декламировать здесь Корнеля.

Голос у нее был тихий, довольно приятный. Каштановые волосы (хоть и короче, чем у Гортензии) сколоты с двух сторон зелеными заколками в виде гиппопотамов.

– Вообще-то, – продолжала она, – это идеальное место. *Top of the world*¹⁶. Корнель¹⁷ на утесе и чайки в небе... Совершеннейшая Сена-и-Марна!¹⁸

И незнакомка снова закатилась смехом. Гортензии показалось, что впервые в жизни она слышит от кого-то более странные вещи, чем говорит сама. Она улыбнулась.

Что может быть лучше,
чем работать в шоу —
бизнесе, не знаю
бизнеса лучше!..

¹⁶ Вершина мира (англ.).

¹⁷ Corneille (фр.) – ворона.

¹⁸ Сена-и-Марна – один из департаментов Франции. Здесь и далее эта героиня часто обозначает свое отношение к чему-либо через названия регионов.

– Тоже Корнель?

– Мэрилин Монро.

Обе рассмеялись.

– Я бы хотела когда-нибудь стать актрисой, – сказала девочка с зелеными гиппопотамами.

– Ты так говоришь, будто тебе девяносто девять лет.

– Мне больше.

Она взглянула на нее искоса:

– Это твой дом, вон там?

– Виль-Эрве. Да.

– О.

После паузы, полной ветра и чайк, она сказала:

– Дай угадаю. Ты не Шарли. Ты не Энид...

– Я Гортензия. – Ее вдруг осенило: – Мюгетта? Это ты живешь у Броденов?

– Гошу, они дружат с моими родителями. И я там не одна, за мной присматривает Зербински.

– Зербински? Что это такое?

– Смесь броненосца «Потемкин», скальпеля, карабинера и эфира, с легкой примесью ночной бабочки.

– Твой питбуль?

– Моя сиделка.

– Она так ужасна?

– Хуже. Тарн-и-Гаронна.

Она засмеялась и добавила:

– Я вообще-то ее люблю, но она этого не знает, так что не

говори ей.

Какая странная девочка.

– Ты учишься на актрису? – спросила Мюгетта.

– Нет.

– Почему нет?

– Э-э...

– Если тебе хочется играть пьесы, есть другие места кроме этого утеса.

Странную девочку с короткими волосами вдруг забила дрожь, прямо-таки заколотила. Ее голова тряслась на тонкой шейке, и Гортензии показалось, что зеленые гиппопотамы весят как настоящие.

– Мне холодно. Мне все время холодно *теперь*. Я пойду.

И она покинула утес, не попрощавшись с Гортензией, смешно подпрыгивая на одной ножке.

Что за драма, мама?

Когда Гортензия вернулась с утеса, Женевьева сидела, массируя мочку уха большим и средним пальцами. Знак, что она раздражена, просто кипит (но надо было хорошо ее знать, чтобы об этом догадаться).

– А, вот и ты! – сказала она ровным голосом.

Она подняла свою спортивную сумку, собранную так давно, что Роберто устроился на ней и уснул, свернувшись клубком. С усталым вздохом он отправился к Ингрид под Макарони, кривую лестницу Виль-Эрве.

– Я ждала тебя, чтобы не оставлять Энид здесь одну, – вздохнула Женевьева. – Я испекла печенье. В шкафчике. На верхней полке.

– Я была на утесе. Надо было меня позвать.

– Я бы и позвала, если бы ты не пришла.

– Идешь пасти близняшек Десульеров?

– Мм.

Гортензия точно знала, когда Женевьева врет, именно потому, что та никогда не врала.

Но сейчас – да, врала. Каждую неделю она говорила, что сидит с маленькими Десульерами, и это была неправда. Догадалась об этом одна Гортензия. Но ей было все равно – в сущности, ей ничуть не хотелось знать, что скрывает

сестра.

Женевьева перебросила через плечо ремень сумки:

– Вы справитесь?

Она еще и чувствует себя виноватой. Пусть уходит скорее!
Гортензия обожала, когда все расходились и она оставалась (наконец) одна в пустом доме. Она проводила Женевьеву до дверей.

– Я встретила Мюгетту.

– Мюгетту?

– Девочку, которая живет у Броденов. Чем она больна?

– Шарли должна знать, – ответила Женевьева. Послав воздушный поцелуй, она вскочила на велосипед.

На самом деле близнецов Десульер не было на свете. Женевьева позаимствовала имя марки супниц. Скажи она, что сидит с детьми Бонвуазенов или с маленькой Элоди Жаниссер, обман непременно бы вскрылся, потому что у них **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** бывали беби-ситтеры. Но чего опасаться от вымышленных близняшек?

Через двадцать минут она была в городе, доехала до улицы Жорж-Аплей и свернула во двор у низкого дома. Припарковав велосипед, толкнула дверь, где на оранжевой плексигласовой табличке красовались загадочные слова:

КОЛ МОЙ НАТ

Муай Тай (тайский бокс)

Месье Кол Мой встретил Женевьеву улыбкой и изящным поклоном. Переодевшись в раздевалке, Женевьева пошла в

зал разогреваться. Месье Кол Мой подошел к ней:

– Поработаем сегодня в паре.

– После груши?

– Конечно.

– Очень кстати. Я ужасно взвинчена.

– Твои сестры?

– Кто же еще?

– После сеанса, – ответил месье Кол Мой со своей странной, почти невидимой улыбкой, – твои икры и дух будут стальными. Но сначала – расслабься. Включи музыку и отработай рам муай.

– Хорошо. – Женевьева поморщилась. – Но сначала ВОТ ТАК!!..

Она развернулась, вложив всю свою силу в удар. Кулак Женевьевы нанес кожаной груше оглушительный хук. Она почувствовала себя намного лучше.

* * *

– А у моей мамы был любовник, – тихо сказала Беотэги.

– У твоей мамы? – воскликнули хором Беттина и Дениза.

– Ты хочешь сказать...

– У моей мамы, да.

– Настоящий любовник?

Беотэги вздохнула и закатала выше пупка футболку, которую примеряла перед зеркалом.

– Когда спят с кем-то, но не с мужем, это ведь любовник, да?

– А твой отец знает?

Был «тряпичный вечер» у Денизы. Три подруги менялись одежками, примеряя их по очереди. Ковер был до оторопи похож на площадь после танцев 14 июля.

– А ты? Откуда ты знаешь?

– Они говорили об этом как-то вечером. Я случайно услышала. Насколько я поняла, это произошло, когда мне было восемь лет. Но как-то чудно узнать такое.

Беттине и Денизе это тоже было чудно. Трудно представить почтенную мадам Пермулле, маму Беотэги, в таком любовном беспорядке. Беттине она казалась похожей на взрослого юношу – с ее светлыми волосами, такими короткими, что издалека ее можно было принять за лысую, с ее мушкетерскими воротниками и бантами на шее а-ля Скарамуш... Она еще и заставляла всех ходить с ней в церковь по воскресеньям.

– И как это закончилось?

– Ну, сама видишь, они всё еще живут вместе.

– Думаю, они объяснились.

– Или больше не любят друг друга. Или им вообще плевать. Или то и другое, – помолчав, пробормотала Беотэги.

Раздался стук. В дверь просунулась голова мадам Коменчини в огромном тюрбане из махрового полотенца бирюзового цвета, а затем и вся она с подносом в одной руке, на ко-

тором лежали аппетитные слойки с горгонзолой. На плечах у нее было небрежно наброшенное норковое манто, в другой руке – дымящаяся сигарилла. Алые губы и белые зубы сияли в улыбке.

– Какой беспорррядок! Все рравно что в бррррихе у барррана! Вот, как ррраз... Деррржите.

– Спасибо, мама, – сказала Дениза, – но мы уже сыты.

– По горлышко! – добавила Беттина.

– Нам надо идти, – заключила Беотэги. – Это был не полдник, а просто... просто...

– Легкий перррекус, не о чем говоррррить! Почему вы не пррривели с собой *piccolina*¹⁹ *Инуум!* И *gentillissima*²⁰ *Сюши*. Они бы пррроглотили всю мою еду!

В очень своеобразном произношении мадам Коменчини Инуит была Энид, а Сюши – Сюзи, младшая сестренка Беотэги.

Она поймала норку, съехавшую с плеча, и швырнула ее на диван, где та присоединилась к полудюжине своих близнецов. При всех ее повадках дивы, мама Денизы была портнихой. Она пришивала на дому подкладки к манто от кутюр, в которых потом щеголяли топ-модели и кинозвезды. Эту работу очень ценили... а платили за нее крайне мало. Однажды Дениза подсчитала, что на стоимость сваленных на диване манто мама могла бы кормить семью девятнадцать лет

¹⁹ Малышка (*ит.*).

²⁰ Милейшая (*ит.*).

и четыре месяца.

– Вы не попробуете *al mio tiramisù*?²¹

– Спасибо, но уже поздно.

– *Non tanto!*²² – возмутилась мадам Коменчини, раскачивая махровым тюрбаном и рассыпая вокруг кометы от сигариллы. – Я положу его в *una bolsa*²³, берррите с собой. Для *Инуит* и для *Сюши*.

Через пять минут Дениза крикнула матери из прихожей:

– Я провожу их до угла!

Беттина завидовала Денизе и Беотэги, которые обе жили в квартирах в городе. Не то чтобы она не любила Виль-Эрве, но слишком уж он был далеко от всего. Сходить в магазин, в кино – все это превращалось в путешествие. Но через четыре года она сдаст на права, и тогда... Она вдруг резко развернулась.

Там, впереди, переходил дорогу парень... Тот самый парень... из «Нанука»... такой некрасивый... Она не хотела его видеть! И говорить с ним – тем более!

Но он-то ее увидел! И по его сияющему лицу, когда он ринулся, точно к королеве Швеции и Тасмании вместе взятых, она поняла, что он как раз и собирается с ней заговорить.

²¹ Мой тирамису (*ит.*).

²² Не так уж (*ит.*).

²³ Пакет (*ит.*).

Страшила из Страны Льдов

– Ты меня узнаёшь?

Беттина, залившись краской, повернулась с излишней медлительностью. Глаза Денизы и Беотэги перебежали с него на нее, с нее на него и обратно. И снова обратно.

– Страшила из Страны Льдов! – весело добавил он.

– А... – протянула она.

И тоненьким томным голоском, символизирующим, по ее мнению, высшую степень непринужденности, добавила:

– «Гиперпромо»? На прошлой неделе? Кассир?

– «Нанук-Айс». Сегодня утром. Доставщик.

Он был еще уродливее, чем ей помнилось. Этот нос. Кошмар. Эти черные точки. Эти уши. Ходячее безобразие. Пусть даже улыбка все это искупала. Отчасти.

Беттина молчала. Нарочно. Он сам поймет, что он не ко двору. И оставит ее в покое.

Но нет. Он продолжал, не замечая ее враждебности:

– У меня есть билеты на фильм с Донни Джеппом. Пойдешь?

– Билеты? Конечно, – прошипела она. – Если ты не включен в цену моего.

Он рассмеялся. Решительно, ничто не могло испортить ему настроение.

– Увы, да. Это приглашение на двоих. Без меня никак.

Он скорчил гримасу, не лишенную лукавства, и повернулся к ней спиной, засунув руки в карманы, в развевающейся на ветру куртке. Дениза шмыгнула одной ноздрей:

– Какой успех, а?

– Уродом родился, – кивнула Беотэги.

– Хуже не бывает, – согласилась Дениза.

– Обидно за Донни Джемпа.

– Ага. Правда, в кино можно не смотреть на соседа.

– Вообще-то он симпатичный, – заметила Беотэги.

Беттина присела, разблокируя противоугонное устройство своего велосипеда.

– Некрасивых симпатяг можно выносить, – сказала она, – но только в телесериалах.

Из дневника Гортензии

Ну и гадость нам подстроила училка французского: заставила нас читать «Летающую колыбель» на два голоса. Сначала читал Арамис Пардонни в дуэте с Одри, потом я угадайте с кем... с Урсулой Мурлетатье. Дурой из дур. Разумеется, мадам Латур-Детур сделала это не нарочно, но мне было так плохо, как всегда, когда приходится говорить при всех, да еще с Мурлетатье! Поэтому я забыла, на чем мы остановились, хотя до этого следила внимательно. Латур-Детур рассердилась, а я еще сильнее занервничала.

ла. Первую фразу прочла заплетающимся языком. Сказала «скорода» вместо «сковорода». Класс смеялся целую неделю (не меньше пяти минут!).

Латур-Детур сказала: «Верделен, подойдите ко мне после урока». От этого стало еще хуже, и я вообще больше не слушала.

После звонка, когда остальные выходили из класса, я подошла к Латур-Детур. Ее стол стоит на возвышении, так что он доходил мне до груди, а голова Латур-Детур смотрела на меня с высоты не меньше полуметра. Она закрыла тетрадь, в которой писала, и сняла очки.

Латур-Детур похожа на мадам де Флервиль из «Примерных девочек»²⁴, какой я представляла ее себе в девять лет: рыжие кудряшки на лбу, корсаж с завязками, широкая юбка, под которой, думается, скрыты обручи и кружева. Наш диалог тоже был очень в духе графини де Сегюр. Примерно так:

Мадам Латур-Детур (ласково, но строго). Ну, Верделен! Когда вы перестанете заикаться и краснеть из-за какого-то чтения?

Гортензия (заикаясь и краснея). Я... Я не знаю, мадам.

Мадам Латур-Детур (так же). У вас мандраж, верно? Вы боитесь говорить на людях?

Гортензия (так же). Да... кажется.

Мадам Латур-Детур. Признайте, что это не очень ра-

²⁴ Книга графини де Сегюр, опубликованная в 1858 г.

зумно.

Гортензия. Я... признаю.

Мадам Латур-Детур (иронично). Я знаю способы вас разговорить.

Протягивает кремовую карточку.

Мадам Латур-Детур. Вот что, я думаю, вам нужно. Хотя вряд ли из вас выйдет новая Дебора Керр²⁵, но это может помочь. Скажите, что от меня.

Она встала в облаке кудряшек и юбок и вышла за дверь. Кто такая Дебора Керр? Я опустила глаза на кремовую карточку:

ЗОЛТАН ЛЕРМОНТОВ

школа драматического искусства тело, пространство,
жест, голос

Второй раз за пару дней мне советуют учиться на актрису... Знак?

В конце концов, может быть, мне все-таки суждено стать Зулейхой Лестер из «Купера Лейна».

Постаравшись не сесть в один автобус с сестрами, Гортензия вышла на остановке одна. Но вместо того чтобы свернуть

²⁵ Дебора Керр (1921–2007) – британская актриса, обладательница премии «Золотой глобус» за фильм «Король и я», а также почетных премий «Оскар», BAFTA и награды Каннского кинофестиваля. Дебора шесть раз номинировалась на «Оскар» как лучшая актриса, но ни разу не выиграла в этой номинации.

в Атлантический тупик к дому, она пошла напрямик через ланды к своей любимой нише в скале. Бросив рюкзак на холодную траву, она хотела было сесть, но ее остановил возглас:

– Эй! Я тебя вижу!

Гортензия на коленках подползла к краю. Пятнадцатью метрами ниже, у кромки отлива, стояла Мюгетта и махала ей обеими руками. Ее запрокинутое лицо смеялось. Гортензия отметила, что она без пальто.

– Тебе не холодно? – крикнула она.

Но ветер отнес ее вопрос вдаль. Мюгетта приложила ладонь к уху. Гортензия повторила. С тем же результатом. Тогда она решила спуститься по гранитным ступенькам.

– Ты, наверно, окоченела, – сказала она, добравшись до пляжа.

Мюгетта была в свитере и брюках, но босиком на холодном песке, без куртки, без шарфа.

– Мне не холодно.

– В тот раз ты сказала, что тебе всегда холодно. И даже добавила: «Теперь».

– Когда как. Ты из коллежа?

– Ммм, – промычала Гортензия.

Она думала, не снять ли ей пальто из солидарности, как вдруг Мюгетта побежала к лужице теплого ила своей странной походкой, подпрыгивая на одной ножке и крича что-то, чего Гортензия не поняла. Потом она вернулась, все так же

подпрыгивая:

– Слабо?

– Что – слабо? – заволновалась Гортензия.

– Исккупаться!

Она смеялась, но, похоже, не шутила.

– Ну ты даешь! Это в ноябре-то!

Море лизало скалы с шипением лимонада.

– Только ножки помочим.

– Какой ужас. Здесь даже в июне никто не купается. Кроме норвежских туристов.

– Когда же вы купаетесь?

– Три дня в августе.

Мюгетта бросила на нее такой же взгляд, как в прошлый раз, – взгляд из-за непроницаемой завесы.

– Этим летом, – сказала она, – я буду Мёрт-и-Мозель.

Больше не там.

– Ты хочешь сказать, здесь?

– Здесь. Везде. Нигде.

Мюгетта почесала переносицу и решительно заявила:

– Я искупаюсь.

И пошла к кромке воды, где пузырилась пена, точно пух над камнями.

– Как сахарная вата! – засмеялась Мюгетта.

Волна захлестнула ее. Темно-зеленые брюки намокли и почернели. Гортензию зазнобило.

– Вернись!

Холодный ветер с моря чуть не сбил ее с ног. Гортензия сняла ботинки, носки, положила их на камень подальше от воды, закатала брюки и осторожно направилась к Мюгетте.

– Вернись, – взмолилась она. – Ты совершенно... Иль-и-Бордель!

– Не так уж холодно, когда привыкнешь.

Лицо у Мюгетты было бледно-голубое. Гортензия схватила ее за локоть и потащила на сухой песок. Мюгетта не противилась.

Обе упали на песок. Мюгетта стучала зубами.

– Возьми мое пальто, – сказала Гортензия.

Мюгетта закуталась в него и сделала из рукава марионетку.

– Унылое у тебя пальто. Ты всегда носишь темно-синий?

– Не всегда. Я купила его после смерти родителей.

– Глупо, – сказала Мюгетта.

Она снова потерла переносицу и спросила:

– Когда они умерли?

– Почти два года назад.

– Они болели?

– Автомобильная авария.

– Ну и глупо носить темно-синий. Розовый, желтый, в цветочек – это не мешает тебе думать о них.

– Знаю. Тебе надо домой. Ты тоже вся синяя.

– Не темно-синяя, надеюсь.

Она засмеялась.

– А неплохо у тебя получилось – «Иль-и-Бордель»...

– Что у тебя была за болезнь?

И тут сверху, с утеса, раздался голос. Обе девочки задрали головы. К акая-то фигура бегом спускалась по ступенькам.

– Зербински, – прошептала Мюгетта.

– Питбуль?

Но когда сиделка подошла к ним, Гортензия очень удивилась. Зербински была тоненькой молодой женщиной с добрыми черными глазами и танцующей походкой. На ней были белый пуловер и вельветовые брюки гранатового цвета.

– Добрый день, – поздоровалась она с Гортензией, которая поспешно вскочила на ноги.

Сиделка повернулась к Мюгетте – та отвернулась от нее – и протянула ей оранжевый дафлкот, который держала в руках.

– Пойдем домой? – сказала она.

Несмотря на вопросительную интонацию, это был приказ. Она подала Мюгетте обе руки, и та ухватилась за них, чтобы подняться.

– Теперь, когда Мюгетта в пальто, забери свое, – сказала Зербински Гортензии. – Ты живешь в Виль-Эрве?

Гортензия кивнула.

– Спасибо.

Гортензия шла за ними до вершины утеса. Сиделка иногда почти несла Мюгетту, которая выбилась из сил и тяжело дышала. Эта женщина была, должно быть, очень сильной,

несмотря на хрупкую внешность. Но скоро Гортензия поняла, что это Мюгетта была худенькая и легкая.

Выйдя в ланды, Гортензия свернула к Виль-Эрве. Но Мюгетта успела подмигнуть ей через плечо Зербински.

4

Не хочу, чтобы парень лизал мне щеку

В эту среду была очередь Беттины вести Энид в бассейн.

В кабинке она надела на нее купальную шапочку, резиновую копию трансбионического шлема Шаггаи Мостры, ядовитой клоунессы из видеоигры.

– О чем ты думаешь? – спросила ее малышка.

– А что?

– У тебя задумчивый вид.

– По-твоему, это так странно?

Этот вопрос привел Энид в волнение.

– Я думала, – объяснила Беттина, – что в виртуальном мире живут толпы варварских дев и роковых мстительниц, а мне очень далеко до этих образцов!

Энид раскрыла рот.

– Брось, – добавила Беттина, – это философия.

Энид теребила свою шапочку.

– Волосы тянет. Не хочу.

– У тебя опять заболят уши.

– Не хочу. Сними мне ее.

– Надо говорить: сними ее с меня. И нет, я ее не сниму.

– Ты не моя старшая сестра.

– Увы, твоя.

– Нет-нет-нет, ты не моя старшая сестра, – пропела Энид. – Моя сестра, **МОЯ НАСТОЯЩАЯ СТАРШАЯ СЕСТРА** очень-очень-очень добрая.

– Ну вот мы и договорились: это я.

Они наконец вышли из кабинки, где Беттина четверть часа потела, переодевая сестренку в купальник. Энид побежала по плитке. В своем трансбионическом шлеме Шаггаи Мостры она была похожа на большой цветок мака на ножках.

– Подожди меня! – крикнула ей Беттина.

Энид притормозила. Но только для того, чтобы Беттина услышала, как она напевает:

– Моя **НАСТОЯЩАЯ СТАРШАЯ СЕСТРА** – она не такая, она **ОЧЕНЬ**, очень красивая. Она носит десять браслетов, четыре золотых, два серебряных, два изумрудных, три рубиновых, их я ей подарила, потому что она **ОЧЕНЬ** добрая, и три бриллиантовых...

– Это будет четырнадцать браслетов, – заметила Беттина. – Не десять.

Они уже подошли к бортику бассейна. Энид невозмутимо продолжала:

– У моей **НАСТОЯЩЕЙ СТАРШЕЙ СЕСТРЫ** вы даже не знаете **СКОЛЬКО** поклонников, они все время ее приглашают, и их **СТОЛЬКО**, что она не может сказать всем «да». Поэтому тем, кто звонил, когда она уже приглашена, я отвечаю, что у нее болит голова, чтобы их не огорчать.

У Беттины резко испортилось настроение.

– Да замолчи же! – проворчала она.

Пловцы повернулись и следили за фигурой ныряльщика, который взлетел с трамплина под сводчатым потолком и вошел в воду в королевском пике.

– Посмотри-ка на этого типа, – сказала Беттина Энид в надежде отвлечь ее и сменить тему.

Энид тоже с интересом следила за ныряльщиком. Что не помешало ей снова взяться за свое:

– Моя НАСТОЯЩАЯ СТАРШАЯ СЕСТРА не такая, она никогда не кричит. Она всегда улыбается. Потому что она ОЧЕНЬ рада, что у нее есть младшая сестренка.

Беттина отпустила ее и прыгнула в воду со звуком, показавшимся ей хлопком лопнувшего пакета. Энид смотрела на нее с бортика.

– Ты мне напомнила, – сказала она, – тот фильм, где мертвеца сбросили с корабля...

– Иди сюда! – перебила Беттина. – Я тебе помогу.

Она наткнулась на какого-то пловца, и тот улыбнулся ей, судя по всему, очень обрадовавшись.

– О! Добрый день!

Она узнала в нем искусного ныряльщика. А потом узнала... Ее сердце сделало кульбит.

Не он! О нет, только не он! Не с Энид, которая теперь рассматривала их своими любопытными глазками! Бог весть что эта язва разнесет всему свету своими песенками с под-

ковырккой. Денизе и Беотэги, например, когда они придут в гости... Кошмар.

– Добрый день! – повторил парень.

Она уставилась на него так, словно он упал с луны. Он скромно улыбнулся, как будто и впрямь оттуда прибыл.

Все из-за мокрых волос. Она его не сразу узнала. Почему как раз сегодня он оказался здесь? В день ее повинности с Энид? НУ ПОЧЕМУУУУ?!

– Добрый день, – процедила она сквозь зубы, проглотив при этом немного воды из бассейна.

Она повернулась к нему спиной, сплевывая. В один гребок он снова оказался перед ней.

– Мое приглашение еще в силе.

– Мой отказ тоже.

Шапочка Энид вынырнула из воды и проплыла между ними, точно кусок цветущей клумбы.

– Это кто? – поинтересовалась она.

И тут же взвизгнула:

– Я тебя узнала! Шутник из «Нанука»! Мерлин-чародей!

Что ты здесь делаешь? Ты следил за нами?

– И правда, – фыркнула Беттина, – ты следил за нами?

– Мы живем в городе, где только один бассейн и один вторник в неделю. Какой из этого вывод?

– Что этот город слишком мал и один из нас должен уйти.

Он улыбнулся. И вправду хороша была эта улыбка. Впору забыть про уши... черные точки... и... ох, нет... невозможно

забыть этот нос!

– Я все равно закончил.

– Уже уходишь? – сказала Энид. – Это не из-за Беттины?

Проницательная Энид. Беттина нырнула, чтобы скрыть залившую лицо краску. Она вынырнула поодаль и остановилась, чего-то ожидая.

...Чего?

Ответ пришел сам, четкий, как щелчок ножниц по ткани: она хотела снова увидеть, как улыбается Мерлин.

Проплыв немного брассом, она убедилась, что он вышел из воды. Теперь он шагал по бортику. Энид бежала следом за ним, вот ведь чертовка.

Беттина не слышала, о чем они говорили, но поклялась, что потом отругает Энид: разве можно вот так запросто разговаривать с незнакомыми людьми?

Она видела, как он дотронулся до шапочки Шаггаи Мостры. В его руке вдруг оказался пластмассовый нарцисс. Он дал его Энид и ушел, а та прыгнула в воду и поплыла к сестре.

– Это тебе! – сказала она, протягивая Беттине нарцисс. – От Мерлина.

Беттина отмахнулась от цветка, подняв небольшую волну.

– О чем вы говорили? – спросила она.

– Я сказала, что хочу нырять как он.

– У тебя ресничка на щеке. Слева.

Разумеется, Энид потеряла правый глаз. Беттина похлопа-

ла ее по левой щеке. Ресничка упала в воду.

– Ты хочешь научиться нырять, ну и?

– Я попросила Мерлина меня поучить.

– ...

– Он сказал, что поучит. С удовольствием.

Беттина посмотрела на сестру так, будто та сообщила ей, что берет в дом индонезийского лори.

Внезапно высоко наверху, точно две богини на горе Олимп, на галерее появились Дениза и Беотэги. Беттина тотчас отбросила нарцисс за лесенку.

Ей стало стыдно за свой поступок, но объяснять, откуда у нее цветок, было бы хуже. Она окинула взглядом бассейн. Уф. Он ушел. Энид плескалась в лягушатнике. Беттина поплыла по дорожке.

Вскоре Дениза помахала ей с бортика, следом появилась и Беотэги. Обе прыгнули в воду и нагнали Беттину.

– Знаешь что?

– Что? – спросила Беттина.

– Мы видели, как двое целовались.

– Парень лизал девушке щеку.

– Языком.

– Буэээ! – взвизгнули они хором.

– И ухо тоже!

Они заверещали еще громче:

– Буэээээ!

Беттина пообещала себе, что, если когда-нибудь парень

попытается лизнуть ей щеку, она отвесит ему хорошую за-
трещину.

Они брызгались, от души смеясь. Беотэги отплыла к ле-
сенке. Рассеянно крутя двумя пальцами бретельку купаль-
ника, она сказала Беттине:

– Кстати. Мы видели твоего поклонника, когда пришли.

– Поклонника?

Беттина вся одеревенела и почувствовала, что тонет. Она
заболтала ногами.

– О ком ты?

– Ну как же. Помнишь, на днях?

– Донни Джепп.

– Уши Бэтмена.

Дениза и Беотэги завизжали от смеха. Беттина убедитель-
но разыграла приступ амнезии.

– Не помню.

– Твой доставщик из «Нанука», – уточнила наконец Де-
низа.

Пауза.

– А, он! – вспомнила Беттина ломким голосом. – Это не
МОЙ доставщик. И тем более не мой поклонник.

Как если бы она сказала: «Это не мой размерчик».

– Он наблюдал за тобой с галереи.

Беттина переварила информацию и с удивлением поняла,
что не так уж недовольна.

– Ты только шевельни пальчиком, и он упадет готовень-

кий.

- И волоском не шевельну.
- А он ничего, симпатичный.
- Если бы не был таким некрасивым...
- Но он некрасивый! – сухо отрезала Беттина.

* * *

Где-то в старом доме в центре города Гортензия нажала на кнопку звонка. Ей открыла девушка в красной плюшевой мини-юбке и водолазке в «гусиную лапку». В руках она держала «Баязета» Расина и, очевидно, учила пьесу наизусть. Она посмотрела на Гортензию сверху вниз, без враждебности, но и без радушия.

– Началось пятнадцать минут назад. Лермонтов тебе задаст, спасайся кто может, *о, я виню себя в неосторожности, уйти от бдительного ока нет возможности...*

– Я... Я не ученица. Я пришла записаться.

Девушка закатила глаза и посторонилась, впуская ее.

– Драгица Давидович, – сказала она, закрывая дверь. – *Эгей, зовите стражу, мне нечего сказать...* Все зовут меня Деде.

– Гортензия Верделен.

– Записью занимается Луиза... *и смерть мне оправданье.* Я тебя провожу.

Они прошли под лицами Ингрид Бергман, Женевиёвы

Паж, Клода Риша, Уолтера Пиджона на афишах «Стромболи», «Сида», «Дезире», «Ника Картера».

Деде остановилась у двери за длинным книжным шкафом.

– Это здесь... *пусть все вернется на круги своя...*
Welcome²⁶, Верде лен, в преддверие ада, именуемого театром.

* * *

Это началось с шороха, тихого-тихого. Энид, сооружавшая башню из хлеба, цикория и «Веселой буренки», услышала его, но решила, что это заурчал старенький холодильник.

Шарли в ванной сушила волосы. Базиль на кухне месил тесто для киша к ужину. Гортензия, уткнувшись в «Ковчег в бурю» Элизабет Гудж, слышала только завывания бури в романе. Остальные разбрелись по разным углам.

В результате второго шороха никто не услышал.

Третий шорох раздался, когда Шарли с высушенными и расчесанными волосами искала в ящике среди столовых приборов китайскую палочку, чтобы скрепить шиньон.

Шорох. Он шел из сточной трубы, которая протянулась, точно солитер, под плинтусом в коридоре. Шарли посмотре-

²⁶ Добро пожаловать (англ.).

ла вниз и тотчас узнала уставившийся на нее красный глаз.

Она застыла на месте. Осторожный глаз скрылся в тень. Непослушными губами Шарли выговорила:

– Майкрофт.

С недоверием, отвращением, почти со слезами. Она кинулась в столовую и закричала во весь голос:

– Майкрофт!

Это загадочное слово было, очевидно, хорошо знакомо в доме, потому что тотчас же все поднялись как по тревоге. Прибежали Женевьева, Беттина и Энид, Гортензия оторвалась от книги, Базиль забыл про киш. Это было всего лишь имя, но все выкрикнули его хором:

– МАЙКРОФТ!!!

Мерлин, вечер и надежда

Как бы то ни было, это слово оказалось волшебным для двух кошек. Ингрид метнулась стрелой, за ней резво бежал Роберто: их заклятый враг показал нос!

Майкрофт был крысой. Величиной с кошку. Он был так хитер, так изворотлив, так умен, что Гортензия назвала его Майкрофтом Холмсом, братом Шерлока.

Майкрофт давал представления нерегулярно: он выходил на сцену, когда ему этого хотелось. Последний раз был три месяца назад. Что он делал все это время? Загадка. Но Шарли была в ужасе от мысли, что снова придется с ним сосуществовать. Без сомнения, у него имелось немало друзей в многочисленных норках дома, но те были скромнее и как могли избегали людей.

Майкрофт же был фанфароном, ничего не боялся, никого не стеснялся, ни перед чем не отступал. Одним словом, форменный бандит.

Все вооружились: кто тапочками, кто специальным выпуском «Мари Клэр. Зимняя мода», кто мухобойкой, кто кухонным полотенцем размера XXL – и вышли на тропу войны.

– Нам нужен скорее динамит, – проворчала Шарли, обнаружив, что оружие Базиля – ее экземпляр «Общего врага»

Эрика Эмблера, а Женевьевы – большой кусок леердамского сыра.

– Подойдет и замороженная баранья ножка, – прошептала Гортензия, вспомнив Роальда Даля²⁷.

Бесшумно, как индейцы, они подошли к порогу прачечной. Шарли приложила палец к губам.

Тишина и неподвижность. Хоть бы негодяй не выдержал первым! Он умел, когда надо, проявлять дьявольское терпение. Энид почувствовала, как просыпается ее давняя аллергия, та самая, от которой нестерпимо чешется за ушами. Взъерошив шерсть, Роберто и Ингрид застыли в позах тираннозавров. Тишина и неподвижность.

Базиль стоял во главе их отряда, выставив перед собой «Общего врага» во всю толщину его пятидесяти страниц. Крыса уставилась своим красным глазом в глаза молодого человека, они смотрели друг на друга.

Наверно, с таким же выражением Око Божие смотрело на Каина.

– Я не могу, – вдруг тихо сказал Базиль.

И опустил руку с книгой.

Поганец услышал... и понял. Прыжок – и он юркнул под консоль. Шарли взорвалась.

– Да что на тебя нашло? – закричала она на Базиля. – Ты бы в секунду его прибил!

²⁷ Имеется в виду рассказ Роальда Даля «Агнец на заклятие», название которого иногда переводят как «Убийство Патрика Мэлони».

– Я... Я не смог. Его взгляд...

– Что – взгляд?

– Ч то-то вроде телепатии, понимаешь?

– Нет. Выражайся яснее, пожалуйста.

– Он со мной говорил.

– Как? Ты оставляешь в живых крысу, которая жрет мои журналы и наши сырки с ананасами, потому что она с тобой заговорила?

– И что он сказал? – с интересом спросила Энид.

– Что ему надо кормить семью. Братьев и сестер, старушку мать...

– Что? – воскликнула Шарли. – У него ЕЩЕ и семья есть?!

Она посмотрела на Базиля и улыбнулась. Открыла рот, чтобы что-то сказать. Но он так и не узнал что, потому что в дверь позвонили. Все разом повернулись. Пройдоха, воспользовавшись этим, по-быстрому убежал в трубы.

Мухобойка, «Общий враг», тапочки, леердамский сыр, специальный выпуск и прочее были отложены. Беттина пошла открывать.

На пороге ее ждала улыбка.

– Добрый день!

– Добрый вечер! – сухо поправила она.

– Я знаю, необычное время для доставки.

Держась рукой за ручку двери, она смотрела на Мерлина, как смотрят на комариный укус у себя на ноге.

– А что, есть доставка?

– Да. Которой вы не ждали.

– Замечательно. А еще?

Улыбка стала шире.

– Доставка? Что за доставка? – крикнула Шарли из гостиной.

– Да, что за доставка? – надменно повторила Беттина.

– Здесь! Вот! – гаркнул в ответ Мерлин, подняв над головой термоконтейнер.

За спиной Беттины появились Базиль, потом Женестьева, за ней Энид, которая первой все поняла.

– Мороженое! – взвизгнула она. – Для нас?

– Подарок от «Нанук-Айс» лучшим клиентам.

Все жители Виль-Эрве столпились у двери, но Мерлин не сводил глаз с Беттины. Энид сбежала с крыльца, заметив английский велосипед Мерлина. Она вскочила на него и принялась нарезать круги по аллее.

– Гм, – буркнул Базиль. – Десятый час. Это не могло подождать до завтра?

– Подождать? Мороженое? – возмутилась Женестьева.

Мерлин бросил на нее благодарный взгляд. Она весело подмигнула в ответ.

– А с чем оно?

– Ванильное, с печеньем, с джандуией, с шоколадной крошкой, с пралине, с вишнями в ликере, с миндальной пастой, с фисташ...

– Не мороженое, а целая Парижская ярмарка, – перебила

Беттина.

Именно в эту минуту нечто вынырнуло из темного коридора, прошмыгнуло у них под ногами и стремглав вылетело за дверь, преследуемое Ингрид и Роберто. Никто и у видеть-то ничего не успел, только кусок сала под его усами.

– Майкрофт!

– Майкрофт? – повторил Мерлин. – Кто это?

– Тебе не понять, – фыркнула Беттина.

– Домашний монстр, – сказала Женевьева.

– Дьявол Виль-Эрве.

– Нечистый, – проворчала Шарли. – Гадкий.

– Демонический грызун, – заключил Базиль. – Он украл то, что должно было сделать мой киш произведением Моцарта.

– Я видела только кусок сала! – крикнула Энид с велосипеда.

– Это оно и есть, – вздохнул Базиль.

Шарли чмокнула его в нос.

– Брось, – сказала она. – Энид? Вернись сейчас же.

Она освободила Мерлина от термоконтейнера.

– Так с чем там это мороженое?

– Сверху вишни, – мрачно отозвался Базиль, – внизу печенье, ваниль с карамелью и... э-э... фисташки с нугой?

– Не так! – перебила его Гортензия. – Вишни в шоколаде, карамель в джандуйе и...

– Неправда! – запротестовала Энид. – Это шоколад в виш-

нях, а внизу ваниль, а...

Общий смех постепенно стих в глубине дома. Беттина и Мерлин остались одни под фонарем на крыльце.

– Поохотимся на Майкрофта? – предложил он.

– Он слишком умный для тебя.

Мерлин промолчал. Поднял подбородок в сторону поленицы и тихонько высвистал первые ноты концерта Рахманинова, который Шарли иногда играла на пианино. Тьма не шелохнулась.

– Думаешь, он меломан? – усмехнулась Беттина.

Он снова засвистел. На этот раз Шуберта.

Ч то-то зашевелилось. Острый взгляд пронзил темноту между поленьями. Беттина затаила дыхание. Медленно, осторожно Мерлин достал из карманов орешки: один, два, три.

Майкрофт снова затаился. Мерлин запел, опять на мотив Рахманинова:

– Эти орешки для тебя... иди же за ними... иди сюда...

Он бросил их один за другим. Быстрая, как молния, крыса схватила все и юркнула в свое убежище.

– Кормить врага – это победа? – поинтересовалась Беттина.

– Морить его голодом – тоже не выход. В сущности, эта зверушка вас любит.

– Прости, что?

– Почему он так рискует ради пищи, когда мог бы спокой-

но кормиться на складе магазина, на чердаке фермы или в полном зерна амбаре?

На это у Беттины не нашлось ответа. Она вздрогнула.

– А ты? – продолжал Мерлин. – Почему ты стоишь тут и мерзнешь в моем обществе, когда сто раз дала мне понять, что я для тебя недостаточно красив?

Беттина покраснела. И снова не нашлась с ответом.

– Мое приглашение в кино еще в силе, – сказал он. – Но ненадолго.

– А, – протянула она. – Идет драка за твою компанию?

– Нет. Но срок действия билета ограничен.

– Пригласи кого-нибудь еще.

– Я хочу пойти с тобой.

Она всмотрелась в него. И поймала себя на том, что ищет недостатки, которые раньше бросались ей в глаза с первого взгляда. Она почесала щеку, скрестила руки на груди. Наверно, виноват фонарь... Потемневший от пыли и дождей, засиженный насекомыми и птицами, он смягчал все вокруг своим мягким оранжевым сиянием.

– В среду? – выдохнул Мерлин.

Беттина почувствовала, как заколотилось сердце под скрещенными руками.

– Хорошо. На четырехчасовой сеанс, – сказала она тихо-тихо.

Он расцепил ее руки, взял ее ладони в свои. Наклонился, как будто хотел ее поцеловать, но не поцеловал. Он прошеп-

тал:

– Дай Майкрофту шанс. И некрасивые могут выиграть в твоих глазах, если их лучше узнать.

Мерлин наклонился еще ниже. Но только улыбнулся, той самой улыбкой, которая затопила ее сердце.

– Пока.

Он вскочил на велосипед, совершил акробатический кульбит, почти превратившись в самолет на взлетной полосе, и скрылся за оградой.

– Ну? – спросила Шарли, когда Беттина вернулась. – Он улепетнул?

– На велосипеде.

– На велосипеде? Майкрофт?

Беттина серьезно посмотрела на нее.

– Майкрофт нас любит. Он мог бы спокойно кормиться в амбаре. Но он любит этот дом. Давай дадим ему шанс.

Шарли удивленно подняла брови и сделала Базилю знак рукой, давая понять, что сомневается в психическом здоровье младшей сестры.

Энид же опять напевала бессвязную песенку, в которой шла речь о русалке (с хвостом и хорошенькой мордашкой), которая нашла возлюбленного в бассейне.

Из дневника Гортензии

Я никакая никакая никакая никакая никакая никакая ни-

какая никакая никакая никакая никакая никакая
никакая никакая!

Я была сегодня на театральных курсах в ПЕРВЫЙ и ПОСЛЕДНИЙ раз в жизни! Никогда еще не чувствовала себя таким земляным червяком.

Лермонтов преподает драматическое искусство тридцать лет. С такой фамилией я ожидала увидеть типа ростом метра в четыре, упирающегося в потолок. Ничего подобного. Это низенький краснощекий человечек с отвисшей нижней губой – так и хочется почмокать ему, как младенцу, – астматическим дыханием и тяжелыми черепашьими веками, из-за которых он немного похож на китайца.

Когда я записалась, он со мной даже не поздоровался.

– Ваше имя?

– Гортензия Верделен.

– Вы очень молоды.

– Двенадцать лет.

(Это будет правдой через несколько месяцев.)

– Почему вы хотите учиться актерскому искусству?

Из-за Зулейхи Лестер в «Купере Лейне». Я пробормотала:

– Потому что я... я не умею играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.